

Библиотека сайта «Путь к разуму и Силе»  
<http://esotericpl.narod.ru/elbibl.htm>

**Тайна печатей**  
Анхель де Куатьэ  
**"Сердце ангела"**  
седьмая печать  
книга седьмая

### **Последняя книга Анхеля де Куатьэ! Тайна Апокалипсиса открылась...**

Бог дает людям шанс. Снова и снова. Но всякий раз человек ищет «легкие пути»... Словно не знает, что грех — это не нарушение запретов. Грех — это неисполнение заветов, того, что должно. Прежде чем обрушить свой гнев на людей, Господь посылает на землю своего Ангела.

«И пришел иной Ангел, и встал пред жертвенником...»

Ангел Божий приходит в человеческом облике, чтобы взглядеться в наши сердца. И ответом Богу будет сердце Ангела, узнавшего тайну наших сердец...

Когда истина начинает казаться тебе понятной, знай — ты ничего не понял...

### **Оглавление:**

[От издателя](#)

[Предисловие](#)

[Пролог](#)

[Часть первая. ЭГОИЗМ И ВЛАСТЬ](#)

[Часть вторая. СЛАБОСТЬ И ЗАВИСТЬ](#)

[Часть третья. ЦЕЛЬ И БОРЬБА](#)

[Эпилог](#)

### **От издателя**

Последняя книга Анхеля де Куатьэ. Последняя... Как всегда — совершенно новая, особенная, потрясающая и завораживающая.

Кажется, что автор никогда не устанет нас удивлять. Никогда. Он обладает подлинным даром. Он виртуозно жонглирует смыслом, демонстрируя нам — одну за одной — все его блистающие грани. В строгой, выдержанной лаконичности своих книг он находит бессчетное количество «поворотов», неожиданных решений и жанровых открытий. Да, кажется, что этому мистическому таинству творчества не будет конца.

Но книга последняя. Последняя. И от одной этой мысли с какой-то щемящей болью сжимается сердце. Неужели все?..

Многие строили версии, высказывали догадки — какая она будет, эта седьмая Печать? И если я просто скажу, что они, скорее всего, не угадали, то это будет неправдой. Это нельзя было угадать. В этой книге, незаметно для самого читателя, переосмысливается вся эпопея — сначала ты снова с необычайной отчетливостью прочитываешь и переосмысливаешь все Печати. А затем, что и вовсе неожиданно, открываешь для себя Скрижали. Теперь совсем по-новому — и кажется, что только сейчас впервые правильно.

И мне больше нечего сказать. Но не потому что я не знаю, что сказать или как. Напротив, об этой книге, да и обо всей серии в целом можно говорить часами, читая и перечитывая, думая и переосмысливая. Но нет, мне больше нечего сказать, потому что сейчас

автор заговорит сам. Предельно точно, предельно честно, предельно искренне — как он умеет, он один. Автор берет свое последнее слово. Последнее слово.

Сердце Ангела.

Издатель

## Предисловие

После моей поездки в Мексику и на Гаити время словно бы перестало существовать. Я убил Шамана. Убил в себе. Раньше мне казалось, что мир можно изменить мистической силой, волшебными превращениями, чудом... Но теперь я знаю, что это не так.

Я видел свою смерть — забавную старуху в прохудившемся пончо. Теперь она всегда со мной, всегда рядом. Я не вижу ее, но понимаю, что она где-то здесь, поблизости. И от этого мне почему-то спокойно на душе. Спокойно и радостно.

Данила тоже прошел свое испытание. Испытание смертью. Он увидел Мир — эти несчетные миллиарды зеркал, что смотрятся друг в друга. И понял главное — мы живем в царстве отражений. Он убил свое отражение, чтобы стать собой. Он сделал это.

Прежде Даниле казалось, что мир можно изменить добротой. Но после своего путешествия в параллельных сновидениях он понял, что это не так. Не совсем так. Одной доброты так же недостаточно, как и одного чуда. Есть какой-то другой секрет.

Семь Скрижалей и шесть Печатей остались у нас позади, точнее — уже стали частью нас, изменили наше представление о мире и о себе. Изменили мир и нас. И теперь мы ждем седьмую Печать. Мы смотрим на Андрея и ждем...

Но, как говорит Откровение святого Иоанна Богослова, «и когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие...»

\* \* \*

Уже больше месяца Андрей хранил молчание. Не в том смысле, что он с нами не разговаривал, нет — он здоровался, мог пожелать спокойной ночи, ответить на какой-нибудь несложный бытовой вопрос. Но в остальном его словно бы не было с нами.

Впрочем, мы и не нуждались ни в каких объяснениях. Все и так понятно — седьмая Печать. Сначала Данила, потом я, а теперь Андрей. У каждого свое испытание. Сомнений, что все именно так, у нас не было никаких. Но...

— Вы меня простите, — сказал Андрей. — Последний месяц... Я все думал. Думал...

Андрей выглядел напряженным и сосредоточенным. Голова слегка опущена, плечи напряжены.

— Вы же помните, что седьмой Скрижали не было... — говорил Андрей, словно беседовал сам с собой.

— Ну, «не было» — это условность, — поправил его Данила. — Была.

— Просто без текста, — подхватил я. — А так все совершенно понятно — «измени сознание».

— Да, да... — пробормотал Андрей. — Откажись от «я»... Почувствуй Другого... Пойми, что страдание — это только иллюзия... Ощути необходимость себя... Все правильно.

— Все правильно, — убежденно подтвердил я.

Андрей отрицательно покачал головой:

— «И когда вы откажетесь от меня, я приду к вам».

Он прошептал эту известную со времен Изумрудной скрижали формулу, и я вздрогнул.

— «И когда вы откажетесь...» — эхом повторил Данила. — Андрей, что ты имеешь в виду?

— Что я имею в виду?.. — Андрей поднял голову, и мы поежились от его пронзающего взгляда. — А вы так и не поняли, что значит изменить сознание?

— Ну... э-э-э... — Данила едва заметно качнул головой.

— Мотив, — четко произнес Андрей. — Мотив.

— Что мотив? — не понял я.

— Мотив — это зачем вы искали Скрижали, причина, — пояснил Андрей. — Чтобы изменить мир? Так?

— Так, — неуверенно сказал я, хотя в общем-то сомневаться мне было не в чем.

— Итак, — продолжил Андрей, — вы ищете способ изменить мир, способ измениться, а вам говорят: «Измени сознание!» Ничего странного не замечаете?

Пауза. Я физически ощутил, как мысли в моей голове вдруг остановились. Ступор и абсолютная пустота.

— Это же тавтология! — воскликнул Андрей. — Понимаете?! Тав-то-ло-гия! По сути бред и бессмыслица!

— Но этого не может быть... — растерянно прошептал Данила и схватился руками за голову. — Господи, что же это такое? Действительно. Хочешь измениться — меняйся. Это же абсолютное ничто... Бред.

— Но этого не может быть, — прервал его Андрей, в его голосе прозвучала абсолютная уверенность. — Не может быть, что это «бред». Значит, мы просто все не так поняли.

Я пережил шок. Действительно — то, как мы расшифровали последнюю Скрижаль, превращает ее в абсурд! Значит, мы поняли ее превратно, неправильно! Мое сознание рушилось подобно гигантскому небоскребу.

— Неправильно?! — прошептал я.

— Да, — так же уверенно продолжил Андрей. — Неправильно. Точнее, мы услышали правильно, мы интерпретировали неверно!

— А где... в чем ошибка?! — оторопел я.

— Я же говорю — мотив! — повторил Андрей. — Седьмая Скрижаль нам — «измени сознание». И мы подумали, что надо как-то измениться — сложить вместе наши точки обзора. Кстати, это был правильный ход мысли — относительно точек обзора.

— Ничего не понимаю, — Данила отрицательно помотал головой. — Андрей, говори яснее. Так правильно или неправильно относительно точек обзора?!

— Да, — сказал Андрей. — Правильно! Только вот ты подумай сам: что получится, если ты соединишь все эти точки обзора? Просто представь!

— Представить? — задумался Данила, пытаюсь выполнить поставленную задачу.

— Ну да, представь гипотетически, что мы нашли способ и соединили воедино все, что раньше создавало систему противоречий! Религия больше не спорит с наукой, человек стал центром религии... Ну и все в таком роде...

Данила поднял на Андрея удивленные глаза:

— Все остановится?.. — прошептал он.

— Ну да, — развел руками Андрей. — Будет что-то вроде анти-Большого взрыва. «Большой взрыв» — это когда во Вселенной произошла детонация и все полетело в разные стороны. А тут наоборот — все схлопывается и исчезает. Приходим к абсолютному нулю, к первоначалу. Конец дискуссии. А коли — конец, то, значит, не в ней, не в этой дискуссии дело, не в сознании!

— Нет-нет-нет, — активно запротестовал Гаптен. — Как такое может быть? Задача — «измени сознание», а дело не в сознании. Это ерунда какая-то. Ерунда.

— Да, а в чем тогда, если не в сознании? — спросил я, пребывая в состоянии полного недоумения.

— Мотив! — Андрей чуть не заорал. — Мотив!

— Какой мотив?! О чем ты говоришь?! — взмолился Данила.

— Да я же и говорю! — воскликнул Андрей с досадой. — Вы ищете Скрижали, чтобы все изменить подчистую, чтобы все правильно было. Нашли. А вам говорят:

«Молодцы, а теперь поменяйте сознание!» Мотив поменяйте. Понимаешь — мотив!

— Поменять мотив! — понял Данила. — В этом смысле! Искали для одного, а оказалось, что нашли для другого, — меняйте направление движения, только тогда все поймете! Так, да?

На напряженном лице Данилы появилась улыбка. Он понял. А я...

— Ничего не понимаю... — прошептал я.

— Анхель, это же так просто! — воскликнул Данила и повернулся ко мне. — Так просто, что сразу и не поймешь!

— Вот я и не понимаю, Данила. О чем вы?!

— Чтобы понять важные вещи, у тебя должен быть мотив, желание, — принялся объяснять Андрей. — И ты ищешь — ради чуда, ради счастья. У тебя есть мотив и силы искать! Но когда ты находишь знание, надо поменять мотив, потому что ни чуда, ни счастья самих по себе нет, а есть только ты и твоя жизнь! Меняйте мотив!

— То есть ты хочешь сказать... — вклинулся Гаптен. — Что иллюзорные цели — это как некая наживка? Способ заставить людей двигаться, открывать для себя знания, Истину?

— Ну разумеется! — воскликнул Андрей. — Пока у нас нет знания жизни, мы не можем понять, зачем оно нам нужно. Поэтому и возникает эта идея, что оно нужно нам для счастья. Что случится чудо, если мы будем знать, например, эти семь Скрижалей. Узнаем — и будет счастье. Чудесным образом! И вот мы бросаемся искать Истину! А иначе бы все бы так и сидели на месте. Не было бы мотива искать знание!

— А потом находим и понимаем, что ни чуда, ни счастья тут нет. Что тут только знание, — сказал Данила, согласно кивая головой.

— А Печати? — все еще не понимал я. — Зачем в таком случае мы искали Печати?..

— Они о жизни! — снова чуть не закричал Андрей. — О настоящих препятствиях! Понимаешь, мы получили знание, и это позволило нам понять жизнь. Увидеть ее во всех ее сложностях и внутренних противоречиях. Стремление к власти, эгоизм, зависть, слабость, идея борьбы, жажда цели. Мы все это поняли благодаря Скрижалям. Они — инструмент, а не волшебная палочка.

— Идея борьбы, жажда цели? — не понял я. — О каких Печатах ты говоришь?

— О каких?! — воскликнул Андрей. — Да о ваших! Данила боролся, боролся... А ему сказали — все, перестань бороться. Просто люби, и все. Люби, и все. И тебе сказали — хватит искать, хватит стремиться к иллюзорным целям, остановись — жизнь вокруг, а не за горизонтом. Понимаешь?!

— Хватит стремиться к иллюзорным целям, остановись. Жизнь вокруг, а не за горизонтом, — повторил я. — Да, это именно та истина, которую я понял на Гаити. И что же нам теперь делать?

— Ты уверен, что понял свою истину? — рассмеялся Данила.

— Как — ничего не делать?! — в ужасе прошептал я.

— Жить! — буквально закричал Данила. — Самая сложная задача!

— Самая сложная, — подтвердил Андрей. — Жить без иллюзорной цели и без надежды на чудо.

— Но как?! Это просто страшно! — ком встал у меня в горле. — И разве это жизнь? Андрей, Данила... Разве?..

— Опять ты ничего не понял, — покачал головой Андрей. — Чудо надо не ждать, а делать. И в этом цель.

— Творить чудеса? — мне показалось, я сошел с ума. — Андрей, и это ты говоришь?!

Андрей никогда не говорил о чудесах! Это, что называется, против правил.

Данила внимательно посмотрел на меня, потом, словно бы поняв ход моих мыслей, на Андрея.

— Видимо, Андрей собирается нам что-то рассказать, — заключил Данила и откинулся на спинку своего кресла.

*«И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса.*

*И я видел семь Ангелов, которые стояли перед Богом; и дано было им семь труб.*

*И пришел иный Ангел, и стал пред жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом.*

*И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Богом.*

*И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясение.*

**Пролог**

Это было давно...

— Андрей, ты написал книгу о Заратустре? — спросил я, разглядывая на переплете рыжий портрет то ли Вакха, то ли Иоанна Крестителя (искусствоведы до сих пор спорят) кисти Леонардо да Винчи.

Андрей поднял голову, посмотрел в мою сторону и улыбнулся:

— Да, написал. Для себя. Все равно никто не будет читать.

— Почему? — мне было как-то странно это слышать.

— Почему? — удивился Андрей и пожал плечами. — Она — не для развлечения. И...

Андрей задумался. Долго молчал. Пару раз порывался что-то сказать, но останавливался.

— Андрей, скажи, я пойму... — попросил я.

Он посмотрел на меня — внимательно, строго, даже испытывающе.

— Поймешь? Это книга о разочаровании в чуде. Все ждут чуда. Даже отчаянные, отъявленные, прожженные скептики. Самые скептические из всех скептиков! Даже такие, как я, — Андрей грустно улыбнулся. — Все мы ждем чуда. Мы ждем, что оно придет из ниоткуда, неожиданно-негаданно. Обязательно. Мы понимаем, что этого не случится, но это не мешает нам ждать — страстно и истово. Мы ждем вопреки нашему безверию! Таковая сила этого ожидания!

— Андрей, ты ждешь чуда?! — зная Андрея, я не верил своим ушам. — Чуда?! Ты?!

— Когда ты творишь, созидает, делаешь что-то значительное, понимая, что умрешь и ничего из этого тебе не дадут взять с собой в могилу, на тот свет, — ты ждешь чуда. Понимаешь? Иначе бы ты остановился, прекратил это. Потому что — а зачем?! Но ты не останавливаешься. Ты делаешь, зная, что потеряешь. А значит, где-то в глубине души не веришь, что потеряешь. Что будет что-то вроде воздаяния... Чудо! Ты ждешь чуда!

Когда ты веришь, что благому начинанию будет сопутствовать удача, просто потому что оно — благое, правильное, настоящее, — ты ждешь чуда. Понимаешь? Ты ждешь чуда! Значит, ты, даже будучи каким угодно атеистом и скептиком, предполагаешь, что в этом мире есть некое метафизическое противостояние великих сил — «благих» и «неблагих». И более того, ты уверен в победе «благих» силы! В ее Промысел! Ты ждешь чуда!

Наконец, когда ты любишь, Анхель. Любишь, будучи безразличным, любишь и продолжаешь любить, хотя у тебя нет никаких шансов, нет и намека на чувственный ответ с той стороны... Ты тоже ждешь чуда. Понимаешь? Иначе бы ты сказал: «Нет. Это не про меня». Сказал и ушел. Но ты не уходишь. Ты стоишь и грезишь. В твоём сознании живо ощущение счастья, даже если ты сам называешь его «несбыточным». Ты веришь в чудо.

И в этом правда. Все это и еще сотни, тысячи ситуаций жизни — есть ожидание чуда. И я написал об этом книгу. Я написал книгу о стремлении к чуду, которого нет. О мире, который стоит на этом стремлении и сам не понимает этого. О мире, который находится в тупике, потому что он ждет несбыточного и потерял главное. Я написал страшную книгу правды. Кто будет это читать?.. Она не для развлечения.

— Это действительно страшная книга! — прошептал я.

— Да, страшная, — согласился Андрей, кивнул головой на книгу и улыбнулся. — Можешь взять. Совершишь небольшой подвиг.

И я взял.

Я взял и начал читать. Я читал не останавливаясь, не переводя дыхания. От первой строчки — «Привет! Я канатный плясун» — и до последней: «Мне кажется, что и сейчас я ощущаю на своих щеках нежное касание этих шелковых крыл и бархатных хоботков. Я

выздоровливаю...» От первой и до последней. Жадные глотки уставшего путника, измученного дорогой, опаляющим солнцем и великой жаждой.

*«Избранные — это значит выбранные. Но парадокс, видимо, в том-то и состоит: для того чтобы тебя выбрали, прежде всего ты должен сам себя выбрать. Ты должен стать сильным, тогда ты и будешь нужен».*

*«В этих двух страхах — быть самим собой и позволить другому быть другим — заключен в сущности один: быть, оказаться или казаться слабым. Но ведь именно страх и ослабляет. Значит, мы уже слабы. Так чего же нам теперь бояться?»*

Драгоценные россыпи мысли, объединенные единым сюжетом — о превращениях духа и медовой жертве. Это правда о Человеке, о том, кто мы есть.

Я был потрясен. Потрясен до глубины души. Нет... До глубины сердца. До самой его последней и крайней глубины. Весь мир увиделся мне вдруг по-другому, иначе — таким, каким я никогда его не видел. И я сам изменился — умер и возродился заново. Меня прежнего словно и не было никогда, не существовало.

Это притча о человеке, который нуждается в Истине и вдруг встречает Учителя. Великая, беспристрастная Истина о мире. Рассказ о сущности человека, о природе его мира — о страхе, о чувстве одиночества, о бесплодных исканиях смысла жизни. Все встает на свои места. Кажется, что еще чуть-чуть, и все изменится, жизнь героя обретет новое дыхание, наступит долгожданное счастье. Но тут Учитель встает и уходит.

Чудо было так близко — и вот словно вода утекла сквозь пальцы. Оставив лишь ощущение, воспоминание, миф.

Учитель уходит, чтобы оставить своего ученика один на один с Истиной. Чтобы тот смотрел на нее и плакал. Плакал, потому что нет ничего страшнее, чем знать Истину. Ведь Истина и Чудо стоят на разных полюсах мироздания. Истина разрушает царство иллюзий, а Чудо — королева этого царства. Знать Истину — значит разувериться в возможности Чуда, а не наоборот. Страшное испытание.

Раньше человек верил в Чудо, верил, что где-то, может быть, и на краю света, но есть эта великая и спасительная сила — Истина, способная изменить мир. Он верил в Истину как в Чудо, которому подвластны все тайны Вселенной, все ее силы, все ее мельчайшие движения. Он проводил между Чудом и Истиной знак равенства — «я все пойму, и тогда...» Теперь он все понял. И понял, что Чуда не будет никогда.

В пору умереть. Знание Истины лишается всякого смысла. Лишается. Ты знаешь Истину, но ты несчастлив. Так в чем же тогда ее ценность?.. Неужели только в том, чтобы осознать эту страшную, разоблачительную правду — Истина не даст тебе счастья?

На самом деле ты искал свое счастье, а не Истину. Просто думал, что Истина даст тебе счастье, но это было ошибкой. Вот почему, обнаружив Истину, ты разочаровался.

А в чем же счастье? Где оно?! Отказываясь от Истины, ты озираешься по сторонам. Раньше ты не делал этого, не озирался, ты высматривал — искал Истину и ждал Чуда. А теперь ты озираешься...

И вдруг ощущаешь биение своего сердца. Ощущаешь впервые, потому что прежде ты не слышал его. Прежде ты вообще не жил, ты искал, ты был всегда там. Не здесь, не в своей жизни, а там — куда ты стремился, влекомый поиском.

Отказываясь от Истины, мы видим истинное — мы видим свое сердце. И, увидев его сквозь пугающую бездну своего отчаяния, мы обретаем великую силу — способность видеть чужие сердца, сердце другого человека.

И именно в этот миг, миг этого откровения, человек становится Человеком. Потому что отказ от Истины есть обретение счастья, обретение истинного отношения с другой душой. В этом страшная, парадоксальная и великая тайна Книги Андрея.

Глаза в глаза, биение к биению, жизнь к жизни. Истина мертва, но две жизни рожают Жизнь. В этом таинство и откровение...

Об этом Книга Андрея. Сначала Учитель, разочарованный в жизни, ободряет ученика и дает ему силы. А затем ученик, страдающий от смертельной болезни, идущий к смерти, выносит Учителя из сумрака одиночества на плечах своего духа, своей внутренней силы.

Один с другим, один для другого. Рядом. Единым движением.

И только в конце книги ты понимаешь, что не было ни Учителя, ни ученика, но лишь один человек. Один. И этот человек — ты сам. А драмы героев — не просто повороты сюжета, а откровение наших встреч с самими собой, драмы наших расставаний со своей сущностью. Сначала встреча. Потом расставание. И потом снова встреча, но уже другая. Совсем.

*«...Для того чтобы тебя выбрали, прежде всего ты должен сам себя выбрать. Ты должен стать сильным, тогда ты и будешь нужен...»*

Книга Андрея — это мифологический пересказ одиссеи нашего душевного совершенствования. Великого пути становления духа — с его кризисами, взлетами и падениями, с его правдой — иногда соленой от слез, иногда горькой от боли, иногда великой и сладостной от завораживающего воспарения духа к Свету и к Великой Радости Жизни.

— Я читал не отрываясь! — буквально прокричал я Андрею при встрече. — Она изменила меня! Это именно то, что мне нужно было прочесть! Это великая книга!

Андрей рассмеялся — весело, добродушно, легко.

— Ну что ж, дело сделано, — сказал он. — Книга нашла своего Читателя. Я счастлив.

Благодаря этой книге я открыл для себя целый мир. Мир внутри меня самого. Мир, в котором началось мое путешествие духа, мои превращения, моя собственная одиссея... Ведь каждый из нас должен пройти этот круг — встретиться с собой и покинуть себя, и снова встретиться, снова найти, но по-другому. Совсем. Через другого, через его сердце.

*«...Для того чтобы тебя выбрали, прежде всего ты должен сам себя выбрать...»*

*Я писал свои книги, вдохновленный Книгой Андрея. Я писал их так, чтобы их прочли многие. Я писал их так, чтобы вы захотели прочесть его Книгу. Я хотел вашей радости. В этом мое желание, моя страсть, мой эгоизм. И теперь наша одиссея подходит к концу... Седьмая печать. Сердце Ангела.*

## **Часть первая**

### **ЭГОИЗМ И ВЛАСТЬ**

*Иван да Марья.  
Они познакомились,  
когда ей было семнадцать,  
а ему — двадцать.  
Сейчас ей девятнадцать,  
а ему, соответственно, двадцать два.  
Какие-то два с небольшим года,  
которые кажутся им теперь вечностью.  
Столетием как минимум.  
Они и сами чувствуют себя стариками.  
Любовь вспыхивает, живет, а затем...  
А затем прежние влюбленные  
начинают искать поводы для расставания.  
Неспособные любить, они ищут  
способ разочароваться друг в друге.  
Вместо того чтобы говорить  
от сердца к сердцу,  
о главном — о любви,  
они ищут поводы ненавидеть.*

— Нет, ты не понимаешь. Ты опять меня не понимаешь! — Иван обхватил руками голову. — Я тебя люблю, Марья! Люблю! Но больше так продолжаться не может! Это невыносимо! Невыносимо!

Марьяна сидела на краешке кресла и не сводила с Ивана печальных глаз. Уже больше часа она обреченно наблюдала за тем, как он в исступлении мерит широкими шагами ее крохотную комнатку. Два шага туда, два обратно. Туда. Обратно.

Вообще это странная закономерность... Люди куда больше, куда настойчивее говорят о любви, о том, что они любят, когда любви становится все меньше и меньше. Словно пытаются загипнотизировать себя — «я люблю, люблю, люблю...»

Марьяна смотрела на Ивана и думала: «Он говорит, что любит меня, но это неправда. Если бы любил, то все было бы по-другому. Но в каждом его слове — "я", "я" и еще раз "я". А меня словно бы не существует. Словно я пустое место. Словно бы меня нет».

— Маруся, неужели тебе это безразлично?! — сокрушался Иван. — Почему ты совсем не ценишь моего чувства?! Неужели ты не понимаешь, что я могу тебя разлюбить?! Понимаешь?! Просто разлюбить! Ты меня потеряешь!

Иван рывком опустил на корточки напротив Марьяны и приблизился к ее лицу. Он не хотел ей этого говорить, но это была правда. Он буквально физически ощущал, как его чувство к ней, его отношение к Марусеньке, Марусе, Марьяне, Марье, Маре — капля за каплей — покидает его душу.

Конечно, было бы правильно не говорить ей этого. Потому что получается какой-то шантаж. Но... Неужели ей действительно абсолютно все равно? Неужели ей действительно наплевать — будут они вместе или нет? Разлюбила?.. Его? Как это гнусно. Глупая, глупая дура!

Марьяна смотрела на него и не могла понять собственных чувств. Что она к нему испытывает? Раньше Иван казался ей очень красивым. Очень. Эти тонкие, но вместе с тем мужественные черты лица. Этот высокий лоб, ямочка на подбородке. Широкие плечи, осанка. Да, он и сейчас кажется ей красивым.

Но он стал совершенно чужим. Красивая, но не родная вещь. Она ему не верит, не доверяет. Она его не любит...

— А ты глядишь на меня злыми глазами, — прошептал Иван, пристально глядя Марьяне в лицо. — И думаешь, что я кругом не прав, что я тебя не люблю.

— Я думаю другое, — тихо ответила Марьяна, опустила глаза и посмотрела куда-то в сторону, без всякой цели, только бы его не видеть.

— Другое?! — лицо Ивана искривилось в злой, высокомерной, пренебрежительной улыбке. — Могу себе представить! Ты меня ненавидишь, да?! Ты думаешь — я предатель, что я подлец, да?! «Другое думает!» Могу себе представить!

— Не кричи, — оборвала его Марьяна.

— «Не кричи!» — едко передразнил ее Иван. — «Не кричи!» А я и не кричу, Мара! Я просто хочу до тебя докричаться, понимаешь?! Докричаться до тебя!

Последнюю фразу Иван проскандировал, словно Марьяна была глухая.

— Ты определись сначала — кричишь или не кричишь, а потом уже говори, — выпалила она, вскочила с места и, чтобы спрятаться от его глаз, подошла к окну и уставилась на улицу.

Город. Огромный город. Насколько хватает глаз — заснеженные дома, новостройки.

Там, далеко внизу, под ногами — машины, люди, сугробы, голые деревья. Все это механически движется, но во всем этом нет и толики жизни. Холод.

Марьяна чувствовала, как ее будто щупальцами огромного спрута обволакивает холодное промозглое одиночество. Словно одевает в свой мертвецкий саван. Она и не жила еще, а жизнь уже кончилась. Может, она и не любила никогда Ивана? Может, не любила, а просто приняла *это* за любовь? А может, она и не способна к любви?.. Но как тогда жить? Как?!

Сухая судорога плача стала подниматься откуда-то из живота. Отвратительное, ужасное чувство — ты хочешь разрыдаться, расплакаться, даже задохнуться в рыданиях. Но ничего не получается. Ничего! Они встают саднящим комом между животом и горлом и душат, душат, душат...

— Какая же ты холодная, бездушная, — шептал Иван, провожая ее взглядом. — Тебе совершенно наплевать на нас, на наши отношения. Неужели ты сама этого не понимаешь?! Господи, неужели я тебя любил когда-то...

«Он относится ко мне как к юродивой, — эта мысль буквально обожгла Марьяну. — Словно бы я какое-то ничтожество! Как он может так говорить обо мне? На что он



рассчитывает? Он думает, что сейчас он оскорбит меня, а я брошусь ему в ноги и буду молить о прощении? Но этого не будет никогда. Я люблю его, но... Я не буду унижаться».

— Не хочу разговаривать с тобой в таком тоне, — тихо, но четко сказала Марьяна.

— Марусь, а в каком тоне с тобой разговаривать? — Иван сделал вид, что ему смешно до сарказма, что он недоумеваает. — В каком?!

«Как он ужасно говорит! — Марьяна сглотнула слезы. — Ужасно!»

— Подойдет любой другой тон, — сухо ответила она.

— А у меня нет другого тона! Понимаешь, теперь — нет! Не осталось! — прокричал Иван, вскочив на ноги, и двинулся по направлению к Марьяне.

Она обернулась и замерла от ужаса. Свет из окна падал так, что, если смотреть в глубь комнаты, все казалось в ней бесформенно-темным. Но тут это резкое движение, приближающийся к ней силуэт Ивана, его огромная, напряженная, агрессивная фигура, как чья-то зловещая темная тень... У Марьяны перехватило дыхание.

— Не подходи ко мне! — заорала она. — Не подходи!

Слезы брызнули у нее из глаз. Сердце билось в груди, словно мотылек с обожженными крыльями.

— Я не могу больше! Не могу! Уйди! — кричала Марьяна, закрываясь руками.

Иван замер всего в одном шаге от нее, выпрямился и смотрел в окно поверх ее головы. Насколько хватает глаз — высотные дома, новостройки. Далеко внизу — машины, люди, заснеженные деревья. Все это живет, движется, там жизнь. Там все настоящее. А здесь, в этой комнате, нет и толики жизни. Холод.

Иван смотрел поверх ее головы, ведь Марьяна совсем маленькая, миниатюрная. В ней всего полтора метра роста. Полтора с копейками. Когда Иван вставал с ней рядом, ее лицо оказывалось у него на уровне груди.

Словно бы специально, чтобы Марьяна могла видеть его сердце.

«Мне всегда так хотелось, чтобы она видела мое сердце, — думал Иван, разглядывая тяжелое низкое небо. — Мне казалось, она умеет любить. У нее такие прекрасные глаза... Они могут быть такими прекрасными. А сейчас в них пустота. Пустота и злость. Она ненавидит меня. И какое ей дело до моего сердца?»

«Холодное, холодное сердце, — шептала про себя Марьяна. — Я так любила слушать биение его сердца...»

Когда он ложился на постель, закладывая руки за голову, грудная мышца, поднявшись, освобождала просвет между ребрами, и можно было видеть биение его сердца — маленький квадратик кожи, ритмично толкаемый сердцем. Марьяна помнила эти моменты счастья. И понимала, что теперь это в прошлом. Умерло.

Человек — существо странное... Один мудрец назвал его «играющим зверем». Человек все превращает в игру. Любые отношения между людьми, любые ценности и даже объекты веры — все постепенно становится игрой, пьесой, где прописаны не только реплики и роли, но даже сами характеры героев, их сущности.

Несколько репетиций, а дальше — пожизненные гастроли. Пожизненные. Повторы, повторы, повторы. Но, заигрываясь, человек теряет не только свою индивидуальность, самого себя, но и ощущение жизни. Но потерять себя — значит умереть. И он умирает, физически оставаясь живым.

Начав играть однажды, человек уже не может остановиться. Он играет снова и снова. А в какой-то момент ему начинает казаться, что все — это игра, а игра — это все. И тогда он решает: без игры ничего не выйдет — все на ней держится, она включает в себя абсолютно все. Не выйдет...

Но не выходит как раз из-за этой самой игры — вот то, чего человек не понимает.

— Ты боишься меня... — прошептал Иван — тихо, холодно, безучастно. — Как это низко, Мара. Как ты могла подумать?.. Я сделаю тебе больно?.. Как это низко. Низко и подло.

— Иван, уходи, — прошептала Марьяна.

— Если я уйду сейчас, я уйду навсегда, — предупредил он.

Марьяна вздрогнула — едва заметно, будто ее ударило разрядом электрического тока.

«Уйдет... — это слово выстрелило ей в самую душу, разорвав мгновение тишины. — Почему я должна это решать? Если я ему не нужна — пусть уходит. Если не любит... пусть уходит».

— Как знаешь... — ответила Марьяна.

— Черт! — рассвирепел Иван. — «Как знаешь»? Что значит это твое «как знаешь»?! Как я ненавижу это твое «как знаешь»? Что — знаешь? А ты?! Ты любишь меня или нет, Марусь?! Любишь или нет?! Я нужен тебе или нет?! Нужен или нет?!

— Не знаю, — шептала Марьяна, утирая слезы. — Я ничего не знаю.

— А кто знает, Марусь? Кто?!

— Мне кажется, ты меня не любишь... — прошептала Марьяна.

— Но я же говорю тебе, что люблю, — грозно оборвал ее Иван.

— Не кричи, — шикнула она.

— Черт! Черт! Черт! — Иван опять схватился руками за голову и попятился назад. — Зачем ты меня мучаешь?! Ты издеваешься надо мной?.. Я не понимаю! Скажи: «Я не люблю тебя». И тогда все. Все понятно. Но что значит это «как знаешь»?!

— Ты меня не слышишь, — Марьяна снова повернулась к окну.

«Не люблю?.. Сказать — "не люблю"?.. — спрашивала себя Марьяна, сдавливая рыдания. — Я люблю. Но почему все так? Я хочу, чтобы меня любили. Я больше не могу жить так, чтобы любить и не чувствовать, что это ему нужно. А ему это совсем не нужно, совсем. Он любит себя, а не меня».

— Чего я не слышу, Мара?! — Иван грохнулся в кресло.

«Господи, зачем весь этот спектакль?! — Иван чувствовал, как от напряжения у него сводит руки, а ноги становятся будто ватные. — Знает ведь, что если я уйду... Но и другое, конечно, тоже знает — люблю ее. Поманит — прибегу. Поэтому и издевается надо мной. Издевается! Прямо заколдовала меня! Заколдовала!»

— Ничего не слышишь, — едва слышно произнесла Марьяна.

— Чего?! — Иван скривился, пытаясь понять, что она сказала. — Что ты говоришь? Я не слышу.

— Я говорю, что ты меня не слышишь, — буркнула Марьяна и шмыгнула носом.

— Я тебя не слышу, — согласился Иван, но тут же опомнился: — В смысле... Ах, черт! Всегда так! Всегда! Подлавливаешь меня, хочешь меня дураком выставить! Всегда! И зачем?! Потому что ты меня ненавидишь! Ненавидишь!

— Это ты ненавидишь меня, если думаешь обо мне *так*!. Ты! — Марьяна рыдала, не в силах с собой справиться. — Ты!

«Господи, да что с ней происходит?» — Иван оторопел.

— Ну ладно тебе, будет... — попросил он. Его голос изменился, в нем прозвучали нотки нежности и заботы. Иван словно просил прощения. Встал, сделал пару шагов навстречу...

— Не подходи ко мне!

Марьяне вдруг стало страшно, еще страшнее, чем прежде. Она закрыла лицо руками и вся задрожала.

— Это какой-то бред... — Иван замер и смотрел, как Марьяна содрогается от нервной судороги. — Ты с ума сошла.

— Нет, нет! — кричала сквозь слезы Марьяна. — Это ты! Ты сошел с ума! Ты!

Иван молча повернулся и пошел в сторону двери. На пороге остановился, бросил на Марьяну последний взгляд, секунду раздумывал и прошептал:

— Знаешь, Марьяна, наши отношения может спасти только чудо.

— Да, да... — обреченно повторила Марьяна, понимая всем своим существом, что это конец. — Только чудо.

Дверь скрипнула. В квартиру ворвался поток холодного воздуха. Словно дыхание смерти... Раздавшийся следом шелчок дверного замка обозначил конец.

Человек — странное существо... Наибольшее счастье ему приносит любовь, но именно любовь он делает полем своих главных сражений. Именно его любовь, его искренняя привязанность, как лакмусовая бумажка, выявляет все, что есть в нем подлинного, — его эгоизм, его желание быть всегда и во всем правым.

Сказать или оставить за собой «последнее слово», обвинить в неудавшихся отношениях своего партнера, сложить с себя ответственность за результат отношений — все это эгоистическое желание взять «верх» над любимым (или некогда любимым) человеком, выйти незапятнанным из собственной грязи.

Да, ни в чем эгоизм не достигает такой степени, такого высшего своего пика, как в этом желании — взять «верх». Причем не просто «верх», а чтобы обязательно «верх» над любимым человеком! Люди складывают о любви стихи и песни, описывают это волшебное чувство в книгах. Но ни слова правды — только красота слова.

Любовь подобна солнцу. Она прекрасна. И она ослепляет... Тень влюбленного эго растет как раз тогда, когда человек идет навстречу своему солнцу...

*И в это самое время  
где-то на западной окраине города,  
на пустыре за гаражами, шел снег.  
Но не тот — обычный, из кристаллов воды,  
которые неизбежно превращают  
всякую снежинку  
в шестиконечную звездочку,  
а другой. Совсем другой.  
Из чистых хлопьев. Когда-то люди назвали  
этот снег манной небесной.  
Той самой, что выпала в пустыне Израиля,  
накормив народ Моисея.  
Впрочем, на сей раз манна падала  
не для того, чтобы спасти от голода  
измученных путников.  
Прошло то время, когда Господь  
должен был время от времени  
подкармливать своих детей —  
манной ли, рыбой, водой,  
обращенной в вино, или хлебами.  
Люди научились питать себя сами.  
Сейчас манна падала совсем для другой цели...*

— Что там за странный человек? — спросил мальчик в потертом полушубке.

— Где? — не понял старик, вглядываясь в вечерние сумерки.

— Да вон же! — крикнул мальчик, показывая куда-то в сторону заснеженного поля.

— Ничего не вижу...

Пес, которого выгуливали дед с внуком, помесь кавказской и немецкой овчарки, во весь опор бросился в ту сторону, куда показывал мальчик.

— Тим, ко мне! — заорал старик. — Федор, держи его! Сейчас искушает же!..

— Тим! Тим! — кричал Федор, пытаясь догнать пса. — Тим, вернись! Ну что ты за балбес такой! Тим!!!

Утопая в сугробах, проваливаясь в снег чуть не по самое колено, мальчик, как мог, бежал за своей собакой.

— Эй, Тим! — он наконец нагнал пса. — А ну ко мне! Простите его. Он... Он вообще-то хороший...

Мальчик схватил Тима за ошейник и оттянул в сторону. Но пес вел себя странно — не злился, не скалился, как обычно, а вилял хвостом, словно щенок, призывно лаял и все норовил лечь перед незнакомцем на передние

— Да что с тобой такое! — непонимающе сетовал мальчик, цепляя к собачьему ошейнику поводок. — Успокойся!

Ему было неловко за свою собаку, но с другой стороны — зачем тут ходить? Ясно ведь, что тут могут собаки бегать!

Управившись с карабином, раздраженный Федор поднял голову. До этого он не стал разглядывать незнакомца, а сейчас увидел — и обомлел от удивления. Перед ним стоял человек в белом, очень красивом наряде, не слишком подходящем для двадцатиградусного мороза, а тем более для этого места, где жители близлежащих многоэтажек обычно выгуливают крупных собак, да еще шпана собирается.

— Здравствуй, Федор! — приятным, мелодичным голосом сказал незнакомец. — Рад нашей встрече.

— Здр-равс-стуйте... — дважды заикнувшись, пролепетал Федор. — А вы — кто?

— Я? — удивился странный человек.

— Да, вы...

Тот только пожал плечами:

— А дети больше не узнают Ангелов?

— Хе... — весело хмыкнул Федор и недоверчиво улыбнулся: — А вы — ангел?

Тим, улучив момент, сорвался с поводка и теперь весело прыгал вокруг незнакомца.

— Видимо, не узнают, — грустно констатировал человек в белых одеждах.

Он присел на корточки и принялся гладить собаку, которая чудесным образом превратилась из агрессивного пса в милое, кроткое, необычайно трогательное создание.

— А что вы тут делаете? — спросил Федор, внимательно разглядывая незнакомца.

— Иногда люди просят о чудесах... — уклончиво ответил Ангел.

— И вы пришли, чтобы совершить чудо?! — Федор не поверил своим ушам.

Ангел с удивлением посмотрел на мальчика, потом медленно поднялся. Его лицо стало грозным, как будто мертвым, и он произнес слова, которые с этой минуты навсегда запали Федору в душу:

— Если бы я был Ангелом Смерти, то обязательно бы сотворил чудо, о котором меня просят. Но пока я просто Ангел. Меня вызвали, и я пришел. А что будет дальше?.. — в словах Ангела прозвучала угроза, но он не закончил фразу, словно о чем-то задумался, потом плавно наклонился и прошептал Федору в самое ухо: — Федор, послушай моего доброго совета: если ты не хочешь накликаешь беды, как бы тебе ни было трудно, никогда не призывай Бога в свою жизнь... И вообще — не рассказывай Ему, что Ему следует делать.

Ангел выпрямился и пошел прочь. Пронизывающий, появившийся словно из ниоткуда ветер взвыл, поднял в воздух целые столпы снега...

— Федя! Черт тебя дерит!

Федор словно очнулся от забытья. Перед ним стоял дедушка, держал его за воротник полушубка и, стараясь перекричать ветер, орал ему прямо в лицо:

— Федя! Ну что с тобой?! Никого здесь нет, не видишь, что ли?! Почудилось тебе! Пойдем домой! Пойдем!

— Деда, я видел Ангела, — прошептал Федор.

— Ангела он видел! — проворчал старик и усмехнулся. — Ангела! Мальчика или девочку?

— Ты о чем, дедушка? — не понял Федор.

Образ Ангела все еще стоял у него перед глазами.

Дед взял внука за руку и повел в сторону гаражей.

— А о том, Федор, что у ангелов нет пола, они и не мальчики, и не девочки, — весело говорил старик. — Вот я и спрашиваю у тебя, в шутку, значит, — мальчиком он был или девочкой?

— Я не знаю, деда, — растерялся Федор. — Мальчиком, наверное...

— Тьфу ты! — рассердился старик. — Идем быстрее! Насмотришься телевизора, потом болтаешь.

Человек — существо странное... Он мечтает о чуде, совершенно не представляя себе, что это такое. Ему кажется, что чудо — это исполнение его желаний. Тогда как чудо — это просто нечто сверхъестественное, нечто, что не вытекает из обстоятельств жизни, из ее логики, но «спускается сверху», как новое обстоятельство, как лишний, дополнительный элемент системы.

И что бы ни происходило с человеком, он не может этого понять. Точнее — он не может принять того факта, что чудо ему неподконтрольно. Он не может ни вызвать его, ни направить в том направлении, в котором ему бы того хотелось. И именно этот факт более всего смущает нуждающегося в чуде.

То, о чем мечтает человек, когда мечтает о своем чуде, — это чудо контролируемое, управляемое — его чудо. Он не хочет просто «новых обстоятельств», он хочет, чтобы были те обстоятельства, которые ему нужны. Иными словами, он мечтает ни о чем другом, как о том, чтобы быть Богом.

Человек так любит красивые слова — любовь, правда, чудо... И кажется, ничего в этом не смыслит. Категорически ничего...

*«Не могу поверить, что она могла  
так со мной поступить! — думал Иван,  
разгоняясь по трассе. — Бред какой-то!  
Неужели она играет?! Или разлюбила?  
А может быть, и не любила никогда?..  
Да, самое страшное, если не любила никогда.  
Потому что, если не любила,  
значит — использовала. Гнусь!»  
В памяти всплывали разные сцены.  
Вот он принес ей огромный букет роз —  
сто одна штука, целая охапка.  
Она смеется, рвет лепестки и кидает вверх.  
Они взмывают в воздух, мгновение кружат  
над их головами и падают вниз.  
А потом они занимаются любовью —  
на постели, усыпанной лепестками роз..»*

*«Нет, это не могло быть ложью!  
Но что тогда?! Почему  
все так глупо выходит?!  
Из-за чего они сегодня поссорились?..»*

Машина Ивана нырнула в тоннель. Железобетонные конструкции. Желтые фонари.

Когда он пришел сегодня, Марьяна уже была недовольна. Он почувствовал эту холодность — это ведь всегда видно. Она упрекнула его — сказала, что он безразличен к ее проблемам. Да, она что-то говорила перед этим по телефону о своей маме. Мол, мама заболела, но Марьяна не может к ней поехать, потому что у нее масса дел, сессия. Иван сказал, что все образуется. Ну или что-то в этом роде. Предложил денег, если потребуется.

По телефону Марьяна ничего не ответила, а когда он пришел — уже накрутила себе черт-те чего... Сказала, что он ее не понимает. Иван ответил, что если у нее плохое настроение, то он может уйти. Такого отношения к себе терпеть он не будет. А если Марьяна хочет попереживать по поводу своей мамы, которой помочь не может, это ее право. Иван поддержал, помощь предложил фактическую. Какие к нему-то еще вопросы?

«Да и потом, если бы все было настолько критично, — рассуждал Иван, — то почему не бросить все и не уехать к маме, хотя бы на неделю? Всего полторы тысячи километров! Велика проблема! На неделю! Мама же! Сама говорит! А экзамены пересдала бы позже, по возвращении. Не отчислили бы. В чем проблема?! Но нет, устроила сцену! "Не понимаю" я ее! Надо же! С чего она вообще взяла, что я ее не понимаю?»

И что я должен понять? Что ты переживаешь из-за мамы? Но это же дурость! Волнуешься, хочешь с ней повидаться — езжай. Зачем собак-то на меня спускать? Я-то в чем виноват? В том, что твоя мама заболела? Или в том, что у тебя сессия? Или, может быть, в том, что я помог тебе приехать из твоего жалкого городишки?! Обосновалась в столице, живет по-человечески... В этом я виноват?! Так и сидела бы у себя в деревне!»

Иван с силой дернул руль. Машина вынырнула из тоннеля и полетела по кольцевой.

«Господи, неужели она просто мною воспользовалась?! Интересно, а может такое быть, что она не сознательно это сделала, а как-то подсознательно? То есть думала, что любит, а на самом деле не любила? Кто-то говорил, что женщина влюбляется в статус мужчины, в его деньги. Что это биологически так. Но влюбляется она искренне, думает, что любит самого мужчину...»

Иван свернул с кольцевой на проспект.

«Как это ужасно, если она врала мне сознательно, намеренно! Какой же я дурак, какой я лопух в таком случае! Я ведь поверил ей, верил, что по-настоящему... Поверил и даже сейчас верю... Понимаю, что ерунда, ложь, а верю! Черт! Дурак! Люблю ее! А зачем?! Зачем?! Вот бы чудо случилось — все отмотать назад... Чудо...»

Иван со всей силы ударил по тормозам. Его огромный джип закружило на льду словно бумажный кораблик. На миг ему показалось, что у машины нет ни руля, ни тормозов, ни каких-либо других механизмов, отвечающих за ее управление. И все как в замедленном кино — встречающиеся машины, готовые выскочить на тротуар, шарахающиеся во все стороны пешеходы, огни фонарей...

Человек — странное существо... Он доверяет своему разуму больше, чем самому себе. Он ищет в нем спасения от всех своих бед и несчастий. Ему кажется, что если он сможет объяснить себе все, то проблема будет исчерпана, решится сама собой. Странное, глупое, наивное суждение. Силой обладает не разум, силой обладает человек, если... Если не считает, что силен его разум.

Объяснение не решает никаких проблем, оно просто прячет от нас реальность, укутывая ее покровами слов. Истина, которая открылась нам для того, чтобы быть познанной, из-за пут объяснений лишается голоса. За нее говорят наши мысли, наши идеи, наш разум. Но разуму следовало бы не говорить, а слушать, вот его предназначение: быть восприимчивым.

Но вместо тонкого восприятия жизни человек направляет свой разум на поиски объяснения. Он хочет «понять», почему он страдает. Он ищет «внешнего врага» — вместо того, чтобы преодолевать свое страдание. Действие требует силы, а мыслить можно и без напряжения сил. Путь наименьшего сопротивления... И вот уже то, что было инструментом, — стало препятствием.

Простое объяснение всегда неправильное, а сложное — всегда лживое. В этом правда. Но с объяснением удобнее, и поэтому...

Удар. Джип влетел в сугроб и остановился. Иван открыл дверь машины и огляделся по сторонам. К счастью, кажется, все обошлось. Никого не задавил, ни с кем не столкнулся, и даже на машине вроде бы никаких повреждений. А кто-то возникший перед ним на дороге так и стоит на том же самом месте.

— Ты очумел, что ли?! Жить надоело?! — заорал Иван на прохожего и бросился к нему, чтобы выместить всю свою злобу. — Я тебе сейчас!..

Удивительной красоты девушка, одетая в потрясающий белый наряд, не двинулась с места. Она лишь виновато улыбалась и слегка пожимала плечами, словно извиняясь «за доставленные неудобства».

— А-а-э... — промычал Иван, разглядев, кто перед ним, и как-то сразу успокоившись. — Вы... Я... Простите. А зачем вы стоите на дороге? Вас же задавить могут. Давайте отойдем в сторону. С вами все в порядке?

Иван взял девушку за локоть и отвел в сторону от проезжей части.

— Да, все в порядке, — качнула головой девушка. — Не волнуйтесь. Все в порядке. Со мной ничего не может произойти.

— Да ла-а-адно... — то ли смущенно, то ли виновато протянул Иван. — Стоите тут посреди дороги, такая гололедица... А вы говорите, что ничего не может случиться. Ерунда. Как вас зовут?

— Ангел, — ответила девушка.

— Ангел? — переспросил Иван и снова улыбнулся. — Интересное имя. Необычное.

— Просто так зовут, — улыбнулась она.

— Может, вас подвезти? — обеспокоился Иван. — Я, наверное, вас напугал... Меня, кстати, Иваном зовут.

— Иваном. Я знаю.

— Знаете? — удивился Иван и попытался вспомнить, не видел ли он эту девушку раньше. — А-а, шутите!

— Нет, не шучу, — ответила она.

— Ну конечно! — продолжал улыбаться Иван. — Ну, пойдемте же в машину. Холодно. Вы еще так легко одеты...

Иван помог Ангелу забраться в машину. Потом обошел свой «Порше», посмотрел, насколько он увяз в сугробе. Вроде бы ничего страшного. Сел, завелся.

— И куда вас подвезти? — спросил он.

— Вы собирались развлечься, — сказала ему Ангел. — Могу составить вам компанию.

— Я собирался развлечься? — Иван посмотрел на Ангела с недоумением. — Вы и об этом знаете? По мне что, так все видно?

Действительно, когда он вышел от Марьяны, то решил развлечься. И назло ей, и просто чтобы чем-то себя занять. Только бы не думать о ней... о них. О том, как глупо, как бездарно он потратил эти два года своей жизни. Два года молодости. Два года, которые могли быть счастливыми и беззаботными, а превратились...

Да, он хотел развлечься. Он хотел, чтобы она сидела в своей комнатенке и кусала локти. Он не из тех, кого бросают. Не из тех, кого не любят. Он молод, богат, у него прекрасное будущее. А она... словно на ней свет клином сошелся! Ивана просто всего колотило изнутри, вот он и гнал больше ста километров по городу.

— Подойду для компании? — улыбнулась Ангел.

— Да, вполне, — утвердительно ответил Иван, но тут же осекся и поправился: — В смысле мне было очень приятно... Если вы серьезно...

— Вполне, — улыбнулась Ангел, откинулась на спинку кресла и смотрела прямо перед собой.

— А и вправду, что свет клином не сошелся, — вслух с какой-то агрессивной обреченностью в голосе произнес Иван.

Ангел посмотрела на него. Но он не заметил. Схватился за ручку автоматической коробки передач и ударил по педали газа. Машина взвизгнула, сдала назад. Иван огляделся и рванул под мигающий зеленый свет светофора.

*Иван машинально,  
не поинтересовавшись вкусом  
своей новой знакомой, привез ее  
в клуб-ресторан, который принадлежит  
его другу. Тут шикарная обстановка —  
огромный центральный зал  
с высоким потолком, просторным танцполом.  
А по периметру в два этажа  
располагаются очень уютные,  
декорированные в восточном стиле  
комнатки с низкими диванами  
и круглыми столиками в центре —  
это уже собственно ресторация.  
Он любил бывать здесь с Марьяной.  
Хотя ей здесь никогда не нравилось.  
Она то говорила, что тут слишком пафосно,  
то — что слишком дорого, то — скучно.*

— Я надеюсь, вам нравится восточное меню? — поинтересовался Иван, когда они уже расположились за столиком в одной из приват-комнат.

— Если вам нравится, то мне тоже нравится, — рассмеялась Ангел, откладывая меню в сторону. — Полностью полагаюсь на ваш выбор.

— Да? — удивился Иван. — А вот у меня с моей девушкой никогда вкусы не сходятся...

Это вырвалось у него как-то само собой. Иван даже не сразу заметил, что говорит нечто совершенно неподобающее моменту — ну не обсуждают «своих девушек» на свидании с другой девушкой! Что с ним вообще происходит?! Он чувствует себя так свободно... Чересчур! Но Ангел ничуть не удивилась его словам, не подала вида, что ей этот разговор неприятен или что это ее обижает. Напротив, она слушала внимательно и с интересом. Ни один мускул не дрогнул!

— Вы правда не обиделись? — пробормотал Иван.

— На что? — искренне удивилась Ангел.

— Ну, я... — Иван замялся.

Но Ангел тут же пришла ему на помощь:

— Но ведь это для вас важно, а потому важно и для меня.

— Вы правда так думаете?

— А зачем мне вас обманывать? — пожала плечами девушка.

— Ну, мало ли... — сказал Иван, но снова себя одернул. — Я ничего плохого не имею в виду.

— Не вижу смысла во лжи, — улыбнулась Ангел. — Лгать — значит усложнять проблемы жизни и в конце концов оказаться не в том месте, где тебе следует быть.

Иван оторопел.

— Лгать — значит... — попробовал повторить он.



— Усложнять проблемы жизни и в конце концов оказаться не в том месте, где тебе следует быть. Это достаточно просто. Ко лжи людей вынуждают обстоятельства. Внешние, внутренние — не имеет значения. Но раз так, раз есть такие обстоятельства, значит, что-то в жизни этих людей уже не так, значит, есть сложности, проблемы, значит, все запутанно и тяжело. Но разве ложь сделает ситуацию проще, распутает узлы? Нет, не сделает и не распутает. Напротив, станет еще сложнее. Еще один узелок появится на спутавшейся веревке.

— А-а, понял... — протянул Иван и задумался. — А что вы имели в виду, когда сказали про «место» — мол, оказываешься не в том месте, где тебе следует быть?

— Любой поступок человека влияет на его будущее, — улыбнулась Ангел. — Наши действия делают наше будущее. В этом смысле ложь — такое же действие, как и любое другое. Но она — ложь, а потому она — действие, не соответствующее правде жизни. Твои ноги идут по земле правды, но ложь — как ошибка в топографической карте. Тот, кто лжет, путает свои собственные дороги, а не чужие. Он создает себе такое будущее, которое ему не нужно.

— То есть если ты лжешь, то ты делаешь не то будущее, которое *должно* быть, а какое-то другое, неправильное...

— А вы думаете иначе? — Ангел рассмеялась.

Она смеялась как-то особенно — тихо, спокойно, завораживающе.

— Нет-нет, — заулыбался Иван. — Все правильно. Все правильно вы говорите. Правильно... Просто я слишком много лгал. Наверное, слишком много.

Ангел посмотрела на него с удивлением.

— Ну не то чтобы лгал, — поправился Иван. — Недоговаривал.

— Это беда всех влюбленных. Они думают, что любимому человеку нужно говорить только то, что он хочет слышать. И ни в коем случае не говорить того, что ты думаешь на самом деле. Самое забавное, что ничего страшного, непозволительного или крамольного влюбленные и не думают, напротив — они ведь любят. Но, боясь потерять возлюбленного, они избегают быть искренними. На всякий случай... В чем-то они недоговаривают, кое-что приукрашивают, где-то лукавят. Им кажется, что они делают это ради своей любви, ради своего возлюбленного, но истинная цель в другом — они желают влюбиться в себя возлюбленного. Да-да, такова истинная цель: превратиться из влюбленного в возлюбленного. Все сходят с ума именно на этом... Иван смотрел на Ангела и не верил своим глазам. Перед ним сидела прекрасная, удивительно красивая, можно сказать — безукоризненно красивая женщина. Женщина, которой он очевидно небезразличен, и говорит ему о любви так, как он сам всегда раньше думал, но никогда бы не смог сформулировать.

— Влюбленный хочет превратиться из влюбленного в возлюбленного... — прошептал Иван.

— В возлюбленного, — подтвердила Ангел.

Человек — существо странное... Он считает себя венцом творения, а свой рассудок — идеальным инструментом оценки, взвешивания, понимания мира и мироздания. Это забавно. Но еще забавнее то, как он использует разум для того, чтобы познать то, что он сам называет — стоящим за пределами разума.

«Истина, — говорит человек, — не может быть познана разумно. Она выше земного. Она оттуда!» Говорит и гордо указывает пальцем в небеса. Но если истина стоит за пределами разума, откуда разуму известно, где ее предел и откуда она?.. Но разве человек спрашивает себя о своих ошибках? Нет, только о своей правоте.

Стремление человека к власти, его эгоизм — есть гордыня, сложение этих грехов. А апогей гордыни — мнение человека о том, что он «понимает» что-либо. Ему и невдомек, что понимать и воспринимать — суть разные вещи. Как различаются видевшие смерть и умершие, так и воспринимающий отличается от понявшего.

Человек не «понимает», он «переиначивает». Он не слышит того, что ему говорят, он слышит то, что способен услышать. Но гордыня...

— Ванька! — занавеска, загораживающая вход в эту маленькую залу, отодвинулась, и на пороге появился сияющий мужчина.

На вид ему было лет тридцать — среднего роста, упитанный, лысоватый и при всем при этом подчеркнута холерный, полный жизни, с привычной улыбкой на лице.

— Борис! — приветствовал его Иван, поднимаясь с дивана. — Рад тебя видеть!

Они дружески обнялись.

— А что вы ничего не кушаете? — удивился Борис. — Не подошли к вам?..

— Что-то заболтались, — спохватился Иван. — Да, вот познакомься — это Ангел! А это Борис, он хозяин этого заведения.

— Ангел-Ангел, — буквально пропел Борис, расшаркиваясь и кокетливо целуя Ангелу руку. — Я вижу, что Ангел! Даже уточнять не нужно! Истинный Ангел! Ангел во плоти! Надеюсь, вам у нас понравилось? Да, а почему вы ничего не кушаете?! Ужас! Это ужас-ужас! Немедленно надо исправить!

Хозяин заведения буквально приклеился к Ангелу и пожирал ее глазами.

— Ну, будет, Борис, — слегка осуждающим тоном остановил его Иван. — Пожалуйста... Ты смущаешь девушку.

— Нет, Ванечка, это девушка меня смущает! — тараторил Борис, произнося, наверное, полторы, а то и две сотни слов в минуту. — Совершенно очевидно, что я сдался под натиском ее очарования с первой же секунды. Изысканно! Изысканно! Где Ваня откопал такое сокровище?! Из-под земли выкопал! Из-под земли! Я угадал? Угадал!

— Нет, с неба, — ответила Ангел и улыбнулась.

— С неба? — не понял Борис. — Ах, ну да — с неба! Конечно же! Откуда еще можно достать ангела, если не с неба. Конечно! Официант!!!

На пороге тут же появился метрдотель вместе с официантом.

— Вы позвольте, я помогу вам с выбором...

Борис открыл перед Ангелом меню и, согнувшись пополам, словно где-то в середине тела у него был большой шарнир, принялся нахваливать блюда одно за другим. Каждое из выбранных блюд Ангел заботливо согласовывала с Иваном, чем приводила его в равной степени как в смущение, так и в восхищение.

— Так, все за счет заведения! — крикнул Борис на своих служащих. — Покидаю вас, дамы и господа! Приятного аппетита! Наслаждайтесь, наслаждайтесь, наслаждайтесь!

Борис пятился назад, не в силах отвести от Ангела глаз. Иван встал, чтобы распрощаться с товарищем. Они опять обнялись и как-то замешкались на выходе.

— Где ты ее нашел?! — восторженно зашептал ему на ухо Борис. — Она — клад! Она самый настоящий клад! Это не то что твоя... прости господи. А тут я просто умираю от зависти! Ночь не буду спать! Ваня... Какой ты счастливый, сукин сын! Какой ты счастливый! С ума можно сойти! С ума! Боже! Я умираю... Буквально! Но все. Ухожу-ухожу. Нет, это просто невозможно! Это просто что-то с чем-то! Просто что-то!

— Ну ладно тебе, ладно, Боря, — пробормотал в ответ Иван. — Спасибо за прием. Спасибо.

Борис помахал Ангелу рукой из-за занавески и скрылся, на сей раз уже окончательно. Глядя на то, как Борис чуть не силой заставляет себя уйти, Ивану стало как-то особенно приятно. Нет, не просто приятно, а радостно. Такое чувство радости, смешанное с гордостью, что ли?.. Ангел действительно прекрасна. И она — с ним.

— Тебе удалось его обаять, — улыбнулся Иван. — Никогда таким его не видел. Потрясающе!

— Он тебе нравится, — сказала на это Ангел.

— Нравится ли он мне? — не понял Иван. — Ты меня спрашиваешь? Он хороший, правда. Странный, конечно. Но хороший.

— Нет, я говорю, что он тебе нравится, — повторила Ангел.

— Да, и что? — Иван все еще не мог понять, о чем она говорит.

— И я понравилась ему. Тебе же этого хотелось, — улыбнулась Ангел.

— Ты понравилась ему, потому что знаешь, что он нравится мне? — Иван чуть не поперхнулся.

— Ну да, — качнула головой Ангел. — Я как ты.

У Ивана перехватило дыхание — «я как ты». Это слова любви. Так говорит любовь. Сердце забило сильно-сильно. Любовь. Она должна быть такой. Именно такой!

Но если он любил Марьяну, если Марьяна любила его, почему не было так?! Сердце защемило от надсадной боли. Он ведь всегда понимал, как нужно, он объяснял ей, а она не слышала и не желала слышать! А ведь все так просто!

Любовь — это всегда компромисс. Любовь — это естественный компромисс. Сам Иван много терпит, сдерживает себя. Но и Марьяна тоже должна была делать это. Но ей всегда хотелось, чтобы было по ее, как она хочет!

Нет, она не требовала этого напрямую, но так получалось, что даже если она не высказывала своих требований, все равно происходило так, как хотела она. Она обижалась, дулась или просто становилась вдруг такой холодной-холодной, что у Ивана просто не было другого выбора, кроме одного — согласиться с любым ее желанием.

Их любовь была ее диктатурой. Не своей силой, но своей слабостью Марьяна диктовала Ивану, что и как нужно делать. И в этом была ее сила. Она могла манипулировать его чувством, его любовью и выгибать его под себя. Но так нельзя! Это нечестно!

И вдруг — о чудо! Иван встречает женщину, которая ведет себя совсем по-другому. Они еще и дня не знакомы, а он уже готов ради нее на все! Потому что это взаимность, это что-то настоящее! А с Марьяной... Нет, он не готов на все. Совершенно! Он готов только на «что-то» — и то только в том случае, если она принимает его позицию и сдается.

Да, если Марьяна захочет вернуть его, восстановить их отношения, возможен только такой формат: Иван говорит — Марьяна слушает, Иван принимает решение, а она — исполняет. Он знает, как правильно. Он знает, как сохранить любовь и сделать отношения прочными. А она не знает, не понимает. И дурит!

Она должна его слушать — беспрекословно и с восторгом в глазах! Иначе — не пойдет! Он главный, он определяет, что к чему. Он — главный в их отношениях. Потому что он знает, а она — нет. Условие! Если же Марьяна не хочет, если не понимает своего счастья, пусть катится ко всем чертям! Иван не останется один...

Ивану вдруг стало все абсолютно ясно и понятно. Он словно бы прозрел. Вырвался из-под эмоционального пресса Марьяны, почувствовал себя свободным, и все тут же встало на свои места. Счастье!

— А теперь я должна идти, — сказала вдруг Ангел.

Иван даже не понял, что это значит. Во-первых, он совершенно позабыл о времени, а сейчас уже далеко за полночь. Но это не главное. Главное — что он не мог ее теперь потерять, поверить в то, что этот человек, эта девушка может быть где-то отдельно от него, где-то не с ним. Она была его частью. Она была им. Он был ею.

Но она сказала: «А теперь я должна идти», — встала и вышла.

Иван бросился за ней следом.

— Нет, постой, постой! Не уходи! — кричал он. — Давай я отвезу тебя! Куда скажешь! Я отвезу...

Но ее нигде не было. Она только что была тут, но ее вдруг не стало. Она словно растаяла в воздухе.

Иван стоял посреди улицы. Глубокая ночь. Мороз. Тусклые фонари. Холодный свет звезд. И ни единой души.

— Вы забыли вашу верхнюю одежду, — сказал швейцар, вынося на улицу его дубленку. — Простудитесь...

Человек — странное существо... И у него странные представления о свободе. Для него свобода — это избавление от оков. Но оковы — это только иллюзия. Существуют лишь чувства человека, они — оковы.

Любовь делает человека несвободным. Страх делает человека несвободным. Но кто может избавить человека от страха, если не он сам? А какой человек будет избавлять себя от любви, если она делает его красивым?

Но обо всем этом человек не думает. Он грезит о некоей Свободе, которая придет однажды к нему и скажет: «Ты свободен!» Конечно, произойдет нечто подобное. Но с этими словами придет не Свобода, а Смерть.

Человек не ведает того, что Бог одаряет его Своей великой милостью именно тем, что не спешит исполнять его желания. Да, это очень странно, что человек пытается говорить Богу, что Ему должно делать.

Но стремление к власти и эгоизм убеждают человека в обратном — «имеешь право и заслужил». Какой должна быть расплата за эту слепоту?..

## Часть вторая СЛАБОСТЬ И ЗАВИСТЬ

*Марьяна не находила себе места.  
Ей то вдруг становилось ужасно жарко,  
душно до дурноты.  
То, наоборот, бросало в холод.  
Она залезла с ногами на диван,  
мерзла, куталась в плед.  
«Неужели это все?..» — повторяла она,  
утирая слезы, которые текли  
и текли из глаз, словно у нее не голова,  
а порванный полиэтиленовый пакет с водой.  
«Господи, ну почему я все плачу?!» —  
спрашивала она себя. И тут же решала —  
не плакать. Не плакать!  
Но дырки в «пакете» становились от этого  
только больше. А глаза, как будто бы и не ее,  
отказывались слушаться —  
они смотрели на телефон.  
«Позвонит? Позвонить?» —  
страшная, пугающая альтернатива.  
«Не позвонит... Не позвоню...»  
Промучившись так полночи, Марьяна встала,  
судорожно огляделась, собрала вещи и пошла...  
в бассейн. У нее абонемент в фитнес-клуб,  
бассейн там работает круглосуточно.  
А ей нужно что-то делать.*

*И лучше — двигаться. Иначе она просто  
повесится. Или выпрыгнет из окна.  
«Нужно что-то делать...  
Нужно чем-то себя занять...»*

С Марьяной происходило что-то странное. Ее самоощущение менялось чуть не каждые десять минут. Она то чувствовала себя абсолютной дурой, идиоткой, которая не смогла сохранить отношения с человеком, которого любила больше всего на свете. То, наоборот, ощущала себя героем, сумевшим справиться с искушением и выбросить из своей жизни этого худшего из людей, когда-либо живших на земле.

Раньше Марьяне казалось, что она знает, почему любовь и ненависть всегда ставят вместе. Она любила Ивана за то, что он есть в ее жизни, и ненавидела его за то, что он такой, какой он есть. А сейчас, сейчас с ней происходило что-то совершенно другое... Она ненавидела себя за то, что любит его. Она проклинала себя за это. Она мечтала вырвать из себя, из своей души всякие чувства к этому человеку, всякие! Выдернуть с корнем. И не могла.

Впрочем, проходила всего какая-то минута, и она начинала ненавидеть самого Ивана. Безумно, истово! Но не за то, что он «такой», как это бывало с ней раньше, — грубый, бесчувственный, примитивный, приземленный. А за то, что он вообще появился в ее жизни. Ворвался в нее, чтобы заполнить от края до края, проникнуть в каждую клеточку ее существа, в каждую толику... А потом взять вот так и бросить, растоптать — подло, гадко, низко.

Наигрался. Она была для него просто игрушкой. Ему льстило ее чувство, ее любовь. Ее самоотверженность в этом чувстве, жертвенность и беззаветность ее любви... Ему нравилось, а теперь ему надоело. Надоело, потому что Марьяна не хотела быть просто игрушкой. Она вообще не хотела быть никакой игрушкой! Она ведь личность, человек. И не уважать этого или по крайней мере не признавать этого — нельзя! И он бросил, бросил, бросил...

«Так, стоп!» — сказала себе Марьяна и, схватившись за бортик, остановилась.

К этому моменту она успела намотать уже кругов пятнадцать по бассейну — от стенки к стенке, от стенки к стенке. Тело гудело, будто бы его накачали свинцом, но тот словно бы не стынет, как должен, а бурлит — тяжелый, но жаркий и подвижный.

«Черт, надо остановиться! Надо прийти в себя! — командовала себе Марьяна. — Если я не остановлюсь, я просто умру. Умру!»

Сил бороться с мыслями о смерти не было никаких. Полное ощущение бессмысленности, абсурдности существования. А тут эта вода... Достаточно глубоко в той части бассейна, что под трамплином. И ведь в принципе если нырнуть на дно и там, как это бывает, «наглотаться» воды, то можно и утонуть. Никто не заметит. А когда заметят, уже будет поздно. Простое решение. Очень простое...

Всплески воды через две или три дорожки справа от Марьяны заставили ее очнуться. Она вздрогнула и резко повернулась в ту сторону, откуда раздавались эти звуки.

Когда Марьяна прыгала в воду, во всем бассейне никого не было, ни единой души. Только дежурный тренер мирно дремал за столом — в углу, недалеко от входа. Но вдруг эти всплески! Откуда?! Когда здесь успел появиться этот человек?! Почему Марьяна не услышала этого?! И вообще — пятый час утра! Кто здесь может быть в такое время?! Впрочем, Марьяна же пришла сюда ночью...

Молодой человек, лица которого Марьяна не могла разглядеть, действительно плавал в бассейне — на третьей дорожке справа от нее. У него была прекрасная техника — каждое движение выверенное, четкое, уверенное, сильное. Судя по всему, он никуда не торопился, не «выплывал из» каких-то там минут. Просто плавал в свое удовольствие.

Марьяна неуверенно, задумчиво озираясь по сторонам, подплыла к лестнице. Задержалась там ненадолго, а потом вышла из воды и села на холодный край бассейна.

Раньше, наверное, она бы застеснялась вот так сидеть и наблюдать за не знакомым ей мужчиной, плавающим в абсолютно пустом бассейне. Но сейчас Марьяне почему-то было совсем не стыдно. Неловко — да. И то только первое время. А через минуту-другую и это прошло. Она смотрела на этого мужчину, на этого молодого человека, и мечтала о нем.

Наверное, это покажется странным, неуместным, даже глупым, но это так — она мечтала о нем. Ощущая абсолютное одиночество после такого страшного, нелепого, болезненного разрыва, она мечтала «о ком угодно». Просто о каком-нибудь человеке, о каком-нибудь мужчине, к которому можно было бы вот так, ничего не объясняя, просто прижаться — сильно-сильно, спрятаться в его объятиях, укутаться в них и почувствовать себя хоть сколько-нибудь нужной, хоть сколько-нибудь живой.

Пусть он чужой, пусть он ее не любит, пусть она совершенно ему не нужна, но хотя бы минута, хотя бы миг этой скупой теплоты в обмен на все, чего бы он ни пожелал. Если бы он хотел просто переспать с ней — грубо, бесчувственно, как с какой-нибудь резиновой куклой или дешевой проституткой, — то и пусть. Может быть, так даже лучше. Лучше почувствовать себя «дешевкой», но нужной хотя бы так... И главное — не быть одной. Только бы не быть одной.

Марьяне сейчас нужно хотя бы мгновение теплоты. Хотя бы мгновение...

Чувство зависимости — ужасно. А все эти два года Марьяна жила с этим чувством, с этим ощущением своей абсолютной, тотальной несвободы — зависимости от Ивана. Он узурпировал ее жизнь — целиком, полностью. Она жила его интересами, его заботами. Она жила его жизнью. Все время думала только о нем — что ему понравится, что не понравится, потому что, если ему не понравится, он разозлится. А когда он злится, он ужасен — страшен, неприятен, даже отвратителен.

Марьяна думала о том, насколько она зависима от Ивана, просто потому, что он был ее первым и единственным мужчиной. Он появился в ее жизни как принц на белом коне — красивый, умный, благородный, свободный. Он привык не думать о деньгах, не бояться завтрашнего дня, наслаждаться жизнью. Он передал Марьяне это чувство, и это было очень важно. Очень. Но... Он не дал ничего другого, только это чувство. И оно не стало чувством Марьяны, оно словно бы повисло в воздухе, повисло над ней, готовое в любой момент обрушиться на ее голову.

Иван — повеса. Красивый, холеный, сексуальный, в чем-то даже талантливый повеса. Он не понимает, что такое ответственность, что такое серьезные отношения. Он не умеет уважать других людей. Он знает, что есть те, к кому надо относиться с почтением, как к равным, а есть те, к кому не важно, как относиться. И Марьяна была из их числа — этих, последних. «Ты никто и звать тебя никак!» — кричал ей Иван, когда бывал не в настроении и спускал на Марьяну собак за самую маленькую, самую ничтожную провинность. «Ты никто и звать тебя никак! Заруби себе на носу! Слушай меня!»

И она зарубила. Только не на носу, она зарубила себя. Она превратилась в свою собственную тень. Безжизненную, бесчувственную. Кто она теперь? Кто?! В ней не осталось ничего. Иван выжиг ее душу каленым железом. Своей холодностью, грубостью, эгоизмом. Он слабый. Именно поэтому он так издевался над ней. Самоутверждался. А она терпела — терпела, потому что любила. А теперь все, все умерло. Даже любовь, которая была в ней, и та — умерла. Выскользнула и улетела. Мертвец не может любить. Это против правил. А Иван убил ее. Убил. И все-таки эта зависимость... Она осталась. Марьяна — как спящая царевна в хрустальном гробу. Она не оживет, если кто-то не разобьет этот сковывающий ее холод. Если кто-то не полюбит ее. Впрочем, что такое любовь? Она не творит чудес. Она — просто чувство. Слабое, бессмысленное, ни на что не способное чувство. Чувство, которое приносит человеку страдание и ничего больше, только боль и страдание. И может быть, она и не нужна? Может быть, следует жить легче и проще? Легче и проще. Просто переступить через себя и жить не по правилам...

— Я понимаю, что вам это сейчас абсолютно все равно, но вы простудитесь, — приятный мужской голос прозвучал совсем рядом с Марьяной, прямо у нее над головой.

Она вздрогнула и повернулась. Владелец приятного баритона был тем самым мужчиной, который только что плавал в бассейне. Марьяна и не заметила, как он вышел из воды и оказался с ней рядом. Незнакомец развернул огромное махровое полотенце и только ждал разрешения накрыть им плечи Марьяны.

Целый ворох мыслей стремительно пронесся в ее голове...

«Как он здесь оказался? Почему я не заметила — так задумалась или заснула? Мы в бассейне? Больше никого нет? Он меня клеит? Сейчас пригласит в душ, чтобы заняться сексом? Он что, решил, что я прямо так с ним пойду? Просто секс?»

— Вы позволите? — спросил он, и его махровое полотенце легло на ее озябшие, покрывшиеся мурашками плечи. — Право, простудитесь.

«А что, если — да? Не по правилам... Избавиться от зависимости, от этой постылой привязанности к Ивану? Просто пойти с незнакомым мужчиной? Отдаться ему? Пусть делает то, что захочет... Это равный обмен, ему — удовольствие, ей — свобода. Горькая, но свобода...»

— Простужусь, да. Наверное, простужусь, — пробормотала Марьяна, неловкими движениями кутаясь в полотенце незнакомца. — Вы очень внимательны...

— Вам нужно в душ, под горячую воду. Согреться, — сказал незнакомец, глядя на нее с нежностью и заботой.

Только сейчас Марьяна вдруг поняла, что он красив. Причем красив необычайно. В нем все было идеально — и лицо, и фигура, и манеры. Марьяна даже не заметила того, как открыла рот — от восторга, от удивления. Она смотрела на него завороченно, совершенно растерявшись.

— Да, вы правы, — пролепетала она. Незнакомец легонько коснулся ее плеча, и они вместе пошли в сторону душевых комнат. Там, в одной из кабинок, он включил воду, проверил, чтобы она была нужной температуры, и повернулся к Марьяне. Она стояла — ни жива ни мертва, — запахнувшись в полотенце, как замерший солдат в плащ-палатке.

— А сейчас полотенце лучше снять, — улыбнувшись, сказал незнакомец и легким движением стянул полотенце с ее плеч.

Марьяна, словно во сне, сделала шаг внутрь кабинки. Она уже ощущала прикосновение горячих капель воды. Чувствовала спиной, как за ней закрывается стеклянная полупрозрачная дверца...

Сейчас она зайдет, встанет под струю воды. Теплая, даже горячая вода обнимет ее, обогреет. Но потом... Потом ей придется выйти из этой кабинки и вернуться в абсолютную холодную пустоту. Пустой коридор, пустой бассейн, пустой холл фитнес-центра. Пустой мир. Тот же самый холод, только хуже. Стократ хуже...

А незнакомец закроет за ней кабинку, недоуменно пожмет плечами и пойдет прочь — на работу в какую-нибудь утреннюю смену. И они уже больше не увидятся. Никогда. А она даже не знает его имени... А если бы и знала? Какое ему дело до странной девушки, ни свет ни заря потерявшейся в бассейне? Никакого. Холод...

— Нет! — она придержала дверцу рукой. — Пойдите!

Марьяна смотрела на него сквозь узкую щель дверного проема. Еще секунда, и стеклянная перегородка разделит их навсегда. Навсегда! И почему? Просто потому, что она побоялась сказать ему?.. Признаться... Сказать, что он ей нужен? Сказать, что она не хочет, чтобы он уходил? Сказать, что она готова на все, только бы быть с ним рядом, только бы быть ему нужной, никогда с ним не расставаться... Навсегда.

Или хотя бы — толика счастья — просто прижаться к нему, почувствовать его тепло, его нежность, его прикосновения, его объятия. Почему она не скажет ему, что ей нужно это? Гордость мешает? Порядочность? Этикет? Бездна условностей? Обязательный ритуал ухаживаний? Что-то «перед», «до»... Но разве ему жалко? Просто прикосновение. Поцелуй. Чуть-чуть, самую малость — нежности и теплоты. Ей очень нужно. Очень.

Горячая вода обжигает кожу. Она прикасается к его груди, обнимает его за плечи, чувствует его руки. Нежные, сильные, все понимающие руки. На губах сладкий, душистый аромат счастья. Голову заволкло туманом. Слезы радости смешиваются с водой, ручьями бегущей по сплетенным телам...

Человек — странное существо... Он рад обманываться. Рад принимать образы собственных желаний за интуицию, видеть в своих догадках голос Провидения, узнавать в случайных событиях «знаки» судьбы. Только бы они подтверждали его надежды... И он рад.

Когда человеку больно, он ищет утешения. Когда ему радостно, он желает продолжения своих удовольствий. А когда он просит Бога о чуде, он верит, что ему не откажут, ведь «Бог любит нас», «Он — сама Доброта», «сама Любовь». Но что человек знает о том, что есть Доброта для Бога, что Любовь для Него?

Человек не знает этого, но он любит обманываться. Он верит, что Бог любит его — человека — той любовью, которую сам человек вменил Господу. Он верит, что у Бога те же представления о доброте, что и у человека, словно они воспитывались вместе и в одной школе. Человек обманывается.

Человек потакает своим слабостям, считая их своими достоинствами. Человек испытывает зависть, глядя на то, что хотел бы иметь и что на деле является лишь плодом его воображения. Человек любит обманываться, но не любит замечать этого.

— Высохли волосы? — спросил он и с нежностью, о которой можно только мечтать, прикоснулся к ее волосам.

— Как тебя зовут? — краснея не то от счастья, не то от смущения, прошептала Марьяна.

— Ангел, — ответил он.

— Ангел, — задумчиво, нараспев повторила Марьяна, словно хотела распробовать это слово на вкус — отпустить его и послушать. — Красиво... А меня Марья.

— Но тебе больше нравится Маруся, — ответил Ангел.

— Да, правильно. Маруся мне нравится больше, — согласилась Марьяна, ничуть не удивившись осведомленности Ангела, а про себя подумала: «Просто он все понимает. Просто он все понимает».

— Хочешь, пойдем встречать рассвет? — предложил Ангел.

— Рассвет? — удивленно переспросила Марьяна.

Она еще никогда в жизни не встречала с мужчиной рассвет. И вообще, кто в современном мире с его темпом, ценностями и вкусами ходит встречать рассвет? Но ведь это, наверное, так красиво — встречать рассвет...

— Да, рассвет, — повторил Ангел.

— Да, хочу, — Марьяна закивала головой, даже не пытаясь скрыть своего удивления.

В детстве, еще девочкой, она мечтала об этом — встречать рассвет с любимым человеком. Но она и забыла уже об этой своей детской мечте, а сейчас вспомнила. И сердце вдруг так защемило... Марьяна смотрела в глаза Ангела и не могла поверить своему счастью. Этого просто не может быть... Она спит? Сошла с ума? Нет.

Ангел подал Марьяне руку.

— Пойдем.

И она пошла за ним. Не с ним, а именно *за* ним. Словно бы прячась за его спиной — так как-то очень спокойно и радостно. Она видела его лицо буквально краешком глаза — смотрела чуть сзади и сбоку, через плечо. Смотрела, и душа ее пела от восторга.

«Нет, этого не может быть. Нет, это неправда, — повторяла про себя Марьяна. — Не может быть...»

— А где мы будем встречать рассвет? — тихо спросила Марьяна.

— Мы будем встречать его на горе, — ответил Ангел.

— А как мы туда попадем?

— Мы возьмем машину, и она нас туда отвезет.

Марьяна протянула руку и вложила ее в ладонь Ангела. Тот повернулся и посмотрел на нее. И в этом взгляде была строгость и сила, нежность и забота, счастье и наслаждение. Все сразу.

«Не может быть!»



На заднем сиденье автомобиля было тепло и уютно. Марьяна лежала на плече Ангела и смотрела в окно — замершие дома, смотрящиеся в темноту глазами желтых окон, перекрестки, фонари, светофоры. Все это было и обычно, и странно.

Обычно, потому что Марьяна видела эти картины сотни раз — ничем не примечательные городские пейзажи. Но необычно, потому что, глядя на них, она не испытывала своей привычной тревоги — никакого напряжения, никакой скованности.

Да, именно так. Она перестала чувствовать себя неловко в этих декорациях. Напротив, ей было приятно и радостно сознавать, что где-то там есть жизнь, что весь этот мир живет, движется. И он не враждебен ей, не чужд, но самостоятелен.

Марьяна перестала чувствовать страх — постоянный, преследовавший ее раньше повсюду страх. Он не покидал ее никогда, ни на минуту. Марьяна могла забыть, чем-то увлечься, но страх... этот страх все равно оставался — где-то на заднем плане, внутри.

Было время, когда она не сознавала этого. Не понимала, что на самом деле всегда чего-то боится. Не чего-то конкретного, а вот так, вообще — когда «просто страшно». Тревога жила в ней всегда, преследовала ее неотступно, съедала изнутри. Отчего?

Оттого, вероятно, что Марьяна никогда не доверяла этому миру. Не могла доверять. Никогда. А как можно ему верить, если ты совсем его не знаешь? Что на уме у этих людей? Как они относятся к тебе на самом деле? О чем думают, как воспринимают?

Мир пугал ее. А теперь нет. Теперь она чувствовала себя под защитой.словно не человек, а какой-то Святой Дух спустился с небес и заботливо укутал ее своим покрывалом. Стало радостно и беззаботно. Тревога улетучилась, словно ее и не было никогда.

Иван никогда не давал ей этого чувства. Даже в самые счастливые минуты их отношений она никогда не чувствовала себя так. Даже любя, она, как бы это сказать... озиралась, что ли? Да, озиралась. А когда озираешься, значит, что-то не так. Значит, чего-то самого важного нет, нет правды.

— Приехали, — шепнул ей на ухо Ангел.

— А? — Марьяна очнулась, словно ото сна, словно она была в сладком сне и, проснувшись, обнаружила себя в еще более сладостном и счастливом мире. — Приехали?

— Да, — ответил Ангел. — Пора...

Он вышел из машины, обошел ее с другой стороны, открыл дверь и подал Марьяне руку.

— Восход... — прошептала Марьяна, задыхаясь от разрывающего ее душу восторга.

Они были на вершине холма. Вокруг, насколько хватало глаз — заснеженный горизонт. Внизу — просыпающийся город. Небо, светлеющее на глазах. Первый луч восходящего солнца разрезал посветлевший горизонт.

Она освободилась! Да, она освободилась. Теперь она никогда не будет такой, как прежде. С этим рассветом все изменится в ее жизни. Она станет другой — свободной, уверенной в себе, идущей вперед. Вперед и только вперед.

Ангел подошел к Марьяне сзади и обнял. Она чувствовала его дыхание, его тепло. Он согревал ее...

«Господи! — думала Марьяна. — За что мне такое счастье? Неужели я заслужила? Всеми своими страданиями, своей болью... Да, наверное. Наверное, я заслужила счастье. А Иван... Иван когда-нибудь поймет, что он был неправ. И как он был не прав...»

— Ты счастлива? — спросил Ангел.

— Да, я счастлива, — прошептала Марьяна. — Я никогда не была так счастлива!

Солнце поднялось над горизонтом. Небо стало прозрачным-прозрачным, словно на замерзшее стекло упал золотистый луч света.

— Ты меня любишь? — Марьяна подняла и чуть повернула голову, чтобы видеть лицо Ангела. Она сама удивилась своей смелости, но не испугалась ее. — Любишь, да?

— Я как ты, — улыбнулся Ангел.

И Марьяна прочла в его глазах великую нежность и благодарность. То, что и есть на самом деле любовь.

Человек — странное существо... Он полон страхов и потому постоянно нуждается в защите. Часто именно любви дает он это задание — защищать его в его же собственном мире страхов и подозрений. Он дает своей любви работу. Не трудится для любви, но хочет, чтобы она трудилась на него.

Когда человек покупает себе домой живой цветок, он понимает, что должен ухаживать за ним, иначе тот погибнет. От цветка мало пользы, только радость. И за эту радость человек готов платить. Но в любви здравый смысл ему отказывает. Теперь любовь должна заботиться о нем, теперь она должна ему платить.

Почему человек поступает так? Почему не дорожит своей любовью? Почему подвергает ее испытанию? Верно, потому, что он слишком мал и незрел. Верно, потому, что он несмышленный ребенок. И потому, вероятно, он называет Бога — Отцом, а себя — «дитем Божьим». Да, он и в этом вменяет Богу обязанности.

Иногда кажется, что человек просто глуп. Но... Все было бы очень просто, если бы это было так. На самом деле он слаб и завистлив. А это куда страшнее.

*Они наслаждались рассветом,  
взаимной радостью. Они были счастливы.  
Марьяна чувствовала это всем своим сердцем  
У нее было ощущение полета —  
какой-то невероятной внутренней свободы!  
«Да, — думала она. — Любить могут  
только по-настоящему свободные люди,  
все остальное — неправда.  
Когда ты чувствуешь зависимость,  
это не любовь. Это зависимость.  
Любовь — она, напротив, освобождает.  
Она — вот этот полет,  
вот это озаряющее тебя  
восходящее солнце и прозрачное голубое небо.  
Это любовь. А страх, тревога,  
вечное напряжение — это иллюзия любви.  
Иллюзия, в которой я провела два этих года.  
Но как только ты освобождаешься  
от зависимости, ты открываешься  
к настоящей любви. А как только  
ты открываешься навстречу любви,  
она тут же к тебе приходит...»  
Счастливые мысли путались в ее голове,  
наезжали одна на другую.  
Она мечтала, она грезила.  
И тут же уснула на плече Ангела,  
как только они сели в машину  
и отправились в обратный путь.*

— Все, приехали. Просыпайтесь, девушка!

Марьяна очнулась, огляделась по сторонам. Она была на заднем сиденье того самого автомобиля, в котором они вместе с Ангелом ездил встречать рассвет. Но теперь этот автомобиль стоял напротив ее дома, Ангела рядом не было, а на нее смотрел водитель.

— Все, приехали! — повторил он. — Выходите. За все уплочено.

— А где... — Марьяна продолжала растерянно оглядываться по сторонам. — Где Ангел?

— Ангел? — рассмеялся водитель. — Ну ты даешь! Ангел тебе приснился, голуба!

— Приснился?.. — Марьяна вздрогнула и съежилась, превратилась в слабый бессильный комочек.

— Однозначно, — покачал головой водитель. — Приснился.

И вдруг догадка...

— А молодой человек... Со мной был молодой человек, — прошептала Марьяна. — Он...

— А он вышел, — деловито ответил водитель. — Расплатился и вышел. Давно уже, на том конце города.

Водитель назвал улицу.

— Вышел?.. — слезы подступили к глазам. — Вышел...

— Однозначно, — подтвердил водитель. — Как есть, расплатился и вышел.

Марьяна, не помня себя, открыла дверь автомобиля, выбралась на морозный воздух и проводила отъезжающую машину глазами. Но, словно не желая уезжать, машина, проехав несколько метров, остановилась, водитель вышел, открыл капот и скрылся от Марьяны за его крышкой. В ее сторону он даже не посмотрел.

«Совпадения...» — подумалось Марьяне.

Открывая дверь в квартиру, Марьяна услышала звонок телефона. Брр-зинь, брр-зинь... Сердце заколотилось, словно в него вставили дополнительный электрический модуль. «Неужели он?! — шальная мысль буквально пронизала Марьяну. — Неужели Ангел?! Узнал же он мой адрес, значит, у него есть и мой телефон! Это он!»

Торопясь, роняя ключи, на ходу стягивая сапоги, не закрыв дверь, Марьяна стремглав бросилась в комнату, судорожно ища глазами телефонную трубку.

— Алле, да!

— Мара, где ты была всю ночь? — раздался в телефонной трубке раздраженный голос Ивана.

Сердце упало. Камнем.

— Я... Я была дома, — пробормотала Марьяна.

— А почему трубку не брала? — усомнился Иван. — Мобильник выключен. А домашний не берешь...

— Я была дома, — строго оборвала его Марьяна, вернулась к двери и защелкнула замок.

— Вечно ты врешь! — огрызнулся Иван. — Я был у тебя утром — в пять утра... Я звонил в дверь! Зачем врать-то?!

— Ты был у меня в пять часов утра? — вырвалось у Марьяны.

— Значит, действительно не было, — сухо констатировал Иван. — А я уж подумал, забаррикадировалась, пускать не хочешь. В кошки-мышки играешь...

— Иван, зачем ты приходил? — снова прервала его Марьяна.

— Зачем?! — он расхохотался — зло, с каким-то пренебрежением, надменностью в голосе. — Ну вообще-то я люблю тебя. Ты вроде бы моя девушка...

— Ты вчера сказал, что если уйдешь, то навсегда, — холодно парировала Марьяна.

— А ты только и ждала этого, да? — так же ответил он.

— Иван, чего ты хочешь, а?

— Да ничего...

В трубке раздались короткие гудки.

Марьяна отняла ее от уха, секунду смотрела на нее, а потом с силой запустила в диван. Трубка ударилась о боковой валик и отлетела на пол. Марьяна бесцельно заметалась по комнате. Ее буквально распирало от ненависти, от бессилия, от отчаяния.

— Что он себе позволяет?! Я свободный человек! С какой стати?! Черт! Черт! Черт! — кричала Марьяна, стоя посреди своей квартиры. — Что он себе думает?! Что я буду перед ним отчитываться?! Что он о себе возомнил?! Кто он вообще такой?!

Тело схватила судорога, Марьяна стояла посредине комнаты и бессильно, как маленький ребенок, топала одной ногой по полу.

— Я не хочу! Не хочу больше его видеть! Никогда! Никогда!

И в эту секунду телефон снова подал признаки жизни. Брр-зиль, брр-зиль...

Марьяна замерла. Секунда, другая... И она схватила трубку.

— Я не хочу тебя больше видеть! — заорала она в аппарат. — Ты понял меня?! Не хочу!!!

— Оп-паньки... — раздалось на том конце провода. — А у вас, оказывается, все серьезно...

— Гала?.. — прошептала Марьяна. — Гала, это ты, да?

— Да, Марьяша, это я, — с обычным своим кокетством подтвердила Галина.

Марьяна молчала. Не знала, что сказать. Ужасно глупо получилось.

Человек — странное существо... Он обожает учить, но совершенно не умеет учиться. Его рассудок лишен любопытства, а внутренний опыт, который мог бы помочь человеку в познании себя и мира, переосмысливается им так, как бы ему самому хотелось.

А хочется человеку оставаться неизменным. Человек замкнут в себе и в своих представлениях, совершенно не желая из них выбираться. И цель этой замкнутости — видеть мир таким, каким человек хочет его видеть. Он подстраивает мир под себя, и это дает ему возможность упорствовать в собственных заблуждениях.

Человек слаб для того, чтобы меняться, и завистлив от того, что не может принять существование чего-то, что ему неподвластно. Человек из всего устраивает соревнование, он готов соревноваться даже с любимым. Не из-за слабости ли своей он так стремится к власти? Не эгоизм ли делает его столь завистливым?

Человек допускает ошибки, но проблема не в этом. Проблема в том, что он не собирается их исправлять, этому противостоит все его существо...

Галина была не из тех людей, с которыми хочется делиться чем-то очень личным, сокровенным. Но однажды, около года назад, когда Марьяне было совсем тяжело — отношения с Иваном в очередной раз зашли в непроходимый тупик, она расклеилась, дала слабину и посвятила Галину в нюансы их с Иваном отношений.

После чего Галина стала своего рода «личным поверенным» Марьяны. Вначале Марьяна была этому даже рада. Галина ее выслушивала, давала советы, поддерживала, подбадривала, внушала оптимизм и вообще — была на ее стороне. И это очень важно — знать, что кто-то «на твоей стороне», что ты не одинок.

Но постепенно Марьяна стала понимать, что ее история для Галины — это просто развлечение, способ самоутвердиться за счет другой женщины и так вот, опосредованно, отомстить мужчинам за собственную неудавшуюся личную жизнь. Марьяна на самом деле была совершенно безразлична Галине. Для Галины это была просто игра.

Галина — любительница сплетен, разнообразных «заговоров», актерства и манипуляций. И, разумеется, для «гламурной девушки» с подобными наклонностями быть посвященной в

круг личных проблем одного из самых ярких представителей «золотой молодежи», каким являлся Иван, было настоящим счастьем.

В какой-то момент Марьяна стала это понимать. Очень расстроилась, переживала. Потом пыталась как-то дистанцироваться от Галины, но в результате та приклеивалась еще сильнее. Она была из разряда тех людей, которым никакое занятие не наскучивает, пока не будет поставлена последняя точка. И не будет понятно, кто выиграл.

Иван раскусил Галю сразу. Он очень негативно относился к этой «девичьей дружбе», всячески притеснял Галину, ругал Марьяну за то, что она с ней общается. Но в эти минуты Марьяна меняла свой собственный взгляд на Галину и свое отношение к ней. В конце концов, она ее подруга! И она ей сочувствует! А Иван...

«Тебе просто не хочется, чтобы у меня были друзья! — в сердцах говорила ему Марьяна. — Потому что они меня поддерживают! Я перестаю быть безропотной и испуганной, какой ты хочешь меня видеть! У тебя не получается мною управлять — вот почему ты ее так не любишь! Но я друзей не предаю!»

«Маруся, как ты не понимаешь, что она разрушает наши отношения?! — отвечал ей на это Иван. — Она просто спит и видит, чтобы ты осталась одна, на бобах! У нее у самой жизнь не сложилась... Ее ведь все бросают! Все! И она хочет, чтобы ты была такой же неудачницей, как она! О какой дружбе ты говоришь?! Разве это дружба?!»

«Что значит — "неудачницей"?! — возмущалась в ответ Марьяна. — Или ты хочешь сказать, что это определяется мужчиной, с которым она живет? Так?! А что, у женщины не может быть никаких других интересов? Она что, не человек, по-твоему?! А если у нее другие ценности, другие приоритеты?! И она счастлива без мужчины...»

«Ладно, закончим на этом», — говорил обычно Иван, и по всему его виду было понятно, что он недоволен, раздосадован, разозлен. Он просто уходил от разговора. И Марьяна отчетливо понимала, что ее доводов он не услышал, не понял, а главное — не хотел слышать и понимать. Словно есть только одно правильное мнение — его.

И все это только лишний раз доказывало правоту слов Галины, которая говорила: «Он просто решил для себя, что ты дура и не о чем ему с тобой разговаривать. Они все такие — эти мужики. Они боятся открытого разговора с нами, с женщинами. Понимают, что проиграют в честном споре. И просто "дисквалифицируют" противника».

«Ты хочешь сказать, что я должна быть тебе по гроб жизни благодарна за то, что ты меня выбрал?! — Марьяна выходила из себя и не могла остановиться. — Сидеть и молчать в тряпочку, когда ты показываешь всем видом, что тебе на меня наплевать?! А самой думать — "зато у меня хороший мужчина"... Так, да?!»

Иван начинал кричать. Марьяна совершенно теряла чувство меры... До драк не доходило, но подобные разбирательства могли продолжаться часами. В какой-то момент Марьяна понимала, что все это неправильно, что так нельзя. Чувствовала, что и Иван прав, и главное — сама Марьяна думает как он. Но... если поехали, то понеслось. Не остановиться.

— Ну, значит, ты все уже знаешь. Понятно, — раздался в телефонной трубке слегка раздраженный голос Галины. — А я как всегда узнаю все последняя!

— Что я знаю? — не поняла Марьяна.

— Ладно-ладно, — обидчиво буркнула Галина. — А я думала, мы с тобой подруги... Ну... как знаешь. Если тебе моя помощь не нужна, могла бы прямо мне и сказать — спасибо, Гала, до свидания! А то я тут нервничаю за тебя, переживаю...

— Нет, Гала, нет, — засуетилась Марьяна. — Я просто не понимаю, о чем ты говоришь. Мы поссорились с Иваном... Как обычно. И все.

— И все?! — взвизгнула Галина. — Так ты действительно ничего не знаешь?!

— Чего не знаю, Гала?

— Да у него баба появилась! — выпалила она, словно речь шла о величайшей радости.

Марьяне показалось, что она на секунду оглохла. Медленно, словно теряя сознание, она осела на диван. И только биение пульса в висках — тум-тум-тум.

— Але! Ну где ты там?! — кричала Гала в трубку. — Марьяша! А-у!

— Я здесь... Я слушаю, — одними губами прошептала Марьяна.

— Представляешь, — принялась «вкусно», как она любит, рассказывать Гала, — захожу я сегодня к Боречке, а он мне и выкладывает. Пришел ночью к себе — в главный, а там сидят... Иван и баба какая-то. Причем так сидят, любят, что даже заказ сделать забыли. Ну ты представь! Сидят — глаза в глаза друг другу смотрят. А она — красоты какой-то необыкновенной! Взгляд не отвести! И хотя Боречка, ты знаешь, у нас не по этой части... Но даже он, представляешь?! Просто выпал в осадок. Говорит мне: «Если бы я такую женщину повстречал, то ради нее ориентацию поменял бы!» Ну надо! Боря! Просто что-то с чем-то! С ума сойти! Я в космосе! Але, Марьяша, ты меня слушаешь?..

— Да, — после паузы выдавила из себя Марьяна.

Галина осеклась, поняв, что переборщила со «вкусностью» своего рассказа, принялась «утешать» подругу:

— Ну не подлец, правда? Я тебе всегда говорила, что этим мужикам верить нельзя в принципе! И ведь ничегошеньки тебе не сказал — сволочь! «Поссорились»... Конечно, он сейчас только повод ищет, чтобы так получилось, что это ты его бросила, а он — на тебе, несчастный-разнесчастный, пошел искать себе утешение. Чуяла я, что так выйдет! Прямо пятой точкой!

— Гала, — горлом прохрипела Марьяна. — Я сейчас больше не могу говорить...

Но Галина словно и не расслышала:

— Но ты, подруга, держись! Ничего! Думай так: «Просто я его вывела на чистую воду!» Он еще поймет, какое золото потерял! Поймет-поймет! Это я тебе говорю! Потом на коленях еще приползет, но только тебе не надо будет. И скажешь ему: «Знаешь, Ваня, иди ты к своей...» И все на этом! А пока просто держаться. Надо ему срулить, пусть сам рулит. Прямо так и сделай, чтобы он сам ушел. Чтобы было понятно, что он сволочь, а ты — жертва! Ты подумай, он же за твоей спиной...

Марьяна нажала на клавишу телефона. Из трубки донеслись короткие гудки...

Человек — существо странное... Когда у него что-то есть, когда он чем-то по-настоящему обладает, он спокоен и холоден. Хотя, казалось бы, имеешь — так чего ты ждешь?! Пользуйся, наслаждайся, храни усердно! У тебя ведь одна жизнь. И пока она дает тебе этот шанс, пока у тебя есть этот ее подарок, будь счастлив! Не брезгуй, не игнорируй, не привередничай. Просто радуйся! Но нет. Скучно, грустно, неинтересно...

Однако стоит отобрать у человека эту ценность, как все мгновенно меняется. Пропажа сразу становится необыкновенно «дорогой», «необходимой». Утраченное тут же во что бы то ни стало нужно вернуть, на худой конец — заменить чем-то подобным. Утраченная ценность снится ночами, все мысли и тревоги связаны только с ней. В памяти всплывают прекрасные образы прошлого... И даже если ничего прекрасного не было, сейчас оно становится таким.

Таково отношение человека к любви. Ему кажется, что он ценит ее, когда она есть. Но на самом деле он начинает ценить ее только после того, как узнает, что она у него отобрана. Даже не потеряна, а именно — отобрана. Остается только удивляться тому, насколько изощренной может быть человеческая зависть и насколько сильна его слабость.

Марьяне казалось, что мир рухнул вчера. Вчера рухнул, а сегодня возродился — в тот самый миг, когда она встретила с этим удивительным незнакомцем. Но сегодня он рухнул дважды. Сейчас ее встреча с Ангелом кажется ей — сном, видением, неправдой. А расставание с Иваном — настоящим, фактическим, *реальным*.

Раньше этого чувства у Марьяны не было никогда. Как бы они ни ругались с Иваном, насколько бы тяжелы ни были их отношения, она никогда не чувствовала, что все, конец. По крайней мере она никогда не чувствовала это так. Настолько сильно, настолько отчетливо. Они действительно больше не будут вместе...

И тут же — как наваждение, как какая-то адская мука, как издевка, как жутчайшая пытка — в ее сознании стали возникать радостные, полные счастья образы прошлого. Спонтанно, без всякого на то желания с ее стороны, Марьяна видела перед собой счастливейшие моменты их совместной жизни с Иваном.

Эти образы поднимались из глубин ее памяти один за другим, словно живые мертвецы. Еще вчера она была абсолютно уверена, что уже больше никогда в своей жизни не будет думать и вспоминать об Иване так — с такой нежностью, с такой теплотой, с такой жуткой, отчаянной, рвущей ее душу на куски ностальгией.

Картинки счастья...

Над океаном заходящее солнце, окрасившее небо в розовый перламутр. Иван, отбрасывая в сторону маску и ласты дайвера, бежит к Марусе по мелководью. У него что-то в руках... Он подбегает, плюхается рядом и, загадочно улыбаясь, показывает ей раковину. А в ней — маленькая жемчужинка. «Это для тебя, со дна моря!» — говорит он.

А вот она готовит ему ужин — ужин-сюрприз. Первое, второе и третье. Не умея, не зная, как делается половина из запланированных блюд, обзванивая родственников и знакомых, выясняя детали, трижды выезжая на рынок за нужными ингредиентами... Она думает только о нем — как она сделает ему приятное, как ему будет радостно.

И вот он приходит. Она его кормит и поит. Он счастлив, он оценил все ее старания. Он говорит ей замечательные слова. А потом исчезает на минуту в коридоре и появляется с маленькой бархатной коробочкой в руках. Он приготовил ей кольцо — прекрасное, удивительное кольцо — из белого золота с изумрудом и бриллиантом.

У Марьяны от судороги сводит лицо. Она бы рыдала, рыдала в голос. Но она не может. Нет силы...

Чуть больше года назад Иван повез ее в Европу. Марьяна видит это как сейчас — они переезжают из города в город, и всюду он ее гид, ее провожатый. Они останавливаются в прекрасных отелях, где швейцары, как в сказках, носят шелковые ливреи, где даже в душе играет музыка. Иван показывает любимой Марусеньке мир. Это его подарок.

Но весь этот мир останавливается, замирает и ждет, когда они останутся вдвоем в своем номере. Когда он, вбирая в себя запах ее волос, повторяет: «Люблю... Люблю... Люблю...» Губы ощущают нежность прикосновений. Глаза наполняются слезами радости.

Они не занимаются любовью, они любят, они про-жи-ва-ют любовь.

Счастье, которого больше не будет никогда. Счастье, которое стоило так дорого, что определить его цену не в силах богатейший из людей мира. Счастье, которое сейчас безвозвратно уходит, исчезает, тает, теряется.

Если бы Марьяна могла осознать, что с ней сейчас происходит, то поняла бы, что испытывает самые настоящие галлюцинации, — она физически ощущала его прикосновения, его ласки, она физически чувствовала его рядом, она слышала его дыхание, биение его сердца, она была с ним в эту секунду... Она была с ним!

*После того как Иван расстался с Ангелом —  
так же неожиданно, как и встретился, —  
он два часа ненавидел Марьяну.*

*Да, именно два часа.*

*Он ненавидел ее за то, что  
она играет, вместо того чтобы любить.  
За то, что она не знает ни благодарности,*

*ни уважения. Вообще — «не понимает!»  
 «Да с какой стати она считает,  
 что вообще я должен все это терпеть,  
 что я буду ее любить?! Что мне  
 ей доказывать? С какой стати?!  
 Да кто она вообще такая?!» —  
 восклицал Иван. Впрочем, вопросы эти  
 были из числа риторических.  
 Для себя Иван уже все решил.  
 Встреча с Ангелом придала ему силы.  
 Конечно, ему особенно не на что было  
 рассчитывать. Ангел — из числа тех женщин,  
 которые могут позволить себе все что угодно —  
 прийти-уйти, когда им вздумается,  
 возбудить страсть и оставить ни с чем...  
 Но Марьяна? Почему она так думает о себе?*

С этими мыслями он отправился к Марьяне. Ночью, в холод. Он поехал к ней, чтобы просто объяснить ей все как есть, что он ее не любит, что он понял это сегодня.

Но и не это главное, а главное в том, что она — Марьяна — недостойна его любви. Что на этом свете есть женщины, которые заслуживают того, чтобы ради них отдать жизнь, чтобы ждать их всю эту жизнь. Они есть. И они — не Марьяна.

Он собирался рассказать ей все напрямик. В нем появилась такая храбрость, такая сила... Это не поддается описанию! Он уже и не думал, что способен на такую степень внутренней свободы. Ведь все это время он по сути пресмыкался перед Марьяной. Он склонял голову и терпел. Все эти годы. Он боялся, что она его разлюбит. Что она изменит свое отношение к нему. Но чего он боялся?! Это же ерунда!

Если Марьяна не готова любить его таким, какой он есть, если она не любит его «всяким», а он — всякий, потому что он живой человек, и он сложный, может быть, с тяжелым характером. Может быть... Но если не любишь таким, какой есть, выметайся. Счастливой дороги — катись колбаской по Малой Спасской! Свободна! Он больше не будет бояться. Потому что он больше не боится потерять. Вот.

С этими мыслями он подошел к дверям Марьяниной квартиры и позвонил. Ему никто не ответил. Он набрал номер мобильного — «...абонент отключен или находится вне зоны действия сети». Позвонил на всякий случай на домашний. Он слышал, как за дверью трезвонит телефон, но трубку никто не брал. Он снова звонил в дверь. Снова набирал номер домашнего. Никакого эффекта. Если бы она спала, то непременно проснулась.

А что, если она?.. Ивана объял ужас! Что, если Марьяна лежит сейчас в ванной, истекающая кровью, или повесилась, или напилась снотворных и сейчас уже в коме?! Эти мысли ввергли Ивана в состояние абсолютной паники. Он заметался под дверьми как раненый, попавшийся в ловушку зверь. Ломать? Она металлическая. Вызывать МЧС с автогеном? Но сколько на это уйдет времени? Ключи, запасные ключи!

Эту квартиру Иван сам снимал для Марьяны. Раньше у него были вторые ключи, но во время одной из ссор Марьяна потребовала, чтобы он отдал их ей. Она сказала, что не хочет чувствовать себя «рабыней», которая живет «приживалкой у хозяина». Что за идиотская идея?! Иван буквально рвал на себе волосы, сбегая вниз по лестнице. Он ругался и плакал как ребенок, заводя машину.

Хозяйка квартиры жила всего в нескольких кварталах от дома Марьяны. У нее есть запасной ключ. Если случилось что-то ужасное, если Марьяна что-то с собой сделала, то это самый быстрый и самый верный способ вызволить ее из квартиры. Иван гнал машину так, словно бы разгонялся на реактивной ракете. Его дважды занесло на поворотах, он выбирался из сугробов. Рвал ручку коробки передач, бил по педалям.

Эти несколько минут — от и до — показались ему вечностью. Он слишком долго ехал, слишком долго маневрировал, оказываясь в сугробах, так некстати наваленных по обочинам



дорог. Перепуганная, поднятая среди ночи с постели хозяйка съемной квартиры слишком долго спросонок искала эти чертовы ключи. Он слишком долго добирался обратно, слишком долго бежал по лестнице, слишком долго возился с замком...

И за эти считанные минуты, которые показались ему вечностью, Иван понял, что, какой бы Марьянка ни была душой, стервой, сволочью, он любит ее больше всего на свете. А мысль о том, что с ней может что-то случиться, что она умрет... Это самая ужасная, самая страшная, самая дикая мысль, которая только может прийти ему в голову! Нет, этого не может быть! Нет! Нет! Нет! Рывдания выворачивали Ивана наизнанку.

\*\*\*

В квартире было пусто. Она просто ушла. Она просто где-то... С кем-то...

Человек — странное существо... Он ходит по кругу, меняя одно чувство на другое. И все от того, что у него не хватает силы ни на прощение, ни на понимание. Он хочет, чтобы все в этом мире складывалось согласно его собственному представлению о жизни — о том, что правильно, а что неправильно, что истинно, а что ложно. Он тиран и сам не догадывается об этом.

Когда человеку плохо, ему настолько же невыносимо чужое счастье, сколь и собственное страдание. Ему кажется, что если он страдает, то страдать должен и весь окружающий мир, каждый человек. Тогда как ему следовало бы радоваться тому, что в мире кроме страданий есть еще и счастье. Этим бы он мог преодолеть собственное страдание. Но слабость и зависть мешают ему.

Странно ли, что человек упивается собственным трагическим образом куда больше, чем собственным счастьем? Первым он считает возможность гордиться, второе — собственно счастье — не спешит выставлять напоказ, словно боится, что оно будет у него отнято или украдено. Насколько же надо быть слабым, чтобы бояться делиться собственным счастьем, и насколько завистливым, чтобы с такой щедростью изливать на мир собственное страдание?..

Иван хотел было уехать, но не смог. Он даже отъехал, но, так и не добравшись до дома, повернул машину обратно, вернулся к дому Марьяны, припарковался и стал ждать.

За те несколько часов, которые он провел в машине, карауля Марьяну, он выкурил пачку сигарет, выпил остатки коньяка — из полупустой бутылки, оставленной на заднем сиденье его приятелем после очередной вечеринки. И передумал все, что только можно было передумать. Впрочем, мысли крутились сами, словно машины по гоночному кругу.

Иван что-то вспоминал, реконструировал в памяти. Он пытался понять, осмыслить, передумать какие-то слова Марьяны, ее прежние шаги, поступки, реакции. Что, если у нее кто-то есть? Какие в пользу этого могут быть доказательства? А что, если она просто его использовала? Любит ли она его — Ивана? И если любит, то что на это указывает?

Состояния страстности, дикого, нервного, надрывного переживания сменялись у Ивана приступами апатии и какой-то тоскливой, пассивной рассудочности. Он то тревожился — а вдруг с ней действительно все-таки что-то случилось? То, напротив, сгорал от ненависти — за что она с ним так? То вдруг начинал думать, что она его приворотила...

Стали вспоминаться какие-то странные случаи. Однажды ей зачем-то срочно понадобились его фотографии. Еще она ездила к бабкам. А потом однажды испугалась, когда

он сказал, что у него появился знакомый астролог. И еще однажды потребовала, чтобы они пошли вместе в церковь, чтобы смыть святой водой «энергетическую грязь».

«Может быть, она действительно меня приворожила? — думал Иван. — А что? Вполне может быть. Иначе как все это объяснить? Просто не оторваться от нее, не оторваться! Уже ненавижу ее, но не оторваться! Впрочем... Господи, ну неужели же она верит во всю эту чушь?! Это же сумасшествие! Средние века!»

И тут же Иван поймал себя на мысли, что ведь и он тоже верит «во всю эту чушь». Раз уж на то пошло... Иначе — почему его это так беспокоит?

Вообще, чем больше Иван обо всем этом думал, тем больше он убеждался в том, что он ничем не лучше Марьяны. Нет, не в том смысле, что он ведет себя «так же». Марьяна, безусловно, его переплюнула и по части истерик, и по части необдуманных поступков, и, наконец, просто по способности плевать на его чувства...

Но если встать на ее место... Попробовать посмотреть на все ее глазами, наверное, ее можно понять. Наверное. Но опять же, с другой стороны, почему он — Иван — должен встать на ее место? Почему не она? Он столько принес в их отношения, он столько дал ей. Наконец, он — ну чего лицемерить? — он королевич. А она? Кто — она?!

Впрочем, конечно, ей тяжело. Если бы они были на равных, то ей было бы, наверное, легче. А так получается, что она ведь зависит от Ивана во всем. Он организует ее жизнь, он дает ей то, чего у нее никогда не было, — возможность жить отдельно от родителей, учиться, не думать о том, что поесть и как свести концы с концами.

По крайней мере, могла бы быть благодарной за это... Или это унижительно? Ну, это было бы унижительно, если бы он ее не любил, если бы она его не любила. Тогда да, тогда она — содержанка. А так... А так она его девушка, он о ней заботится. И все, что ему нужно, — это просто знать, что он ей нужен. Нужен по-настоящему. И все!

Но в целом — в целом они, конечно, друг друга стоят. Он ждет от нее определенного поведения, она ждет от него какого-то поведения. Он хочет, чтобы она поняла его, она хочет, чтобы он понял ее. Он кажется ей эгоистом, она кажется ему эгоисткой. При этом хотят они вроде бы одного и того же... Но хотят ли?

— А что, если у нее кто-то есть?.. — вслух произнес Иван.

Именно в эту минуту перед подъездом Марьяны остановился автомобиль — красный невзрачный «Фольцваген» начала девяностых. Иван пригляделся — девушка на заднем сиденье сначала достаточно долго общалась с водителем, словно о чем-то с ним договаривалась, а потом вышла и направилась к подъезду.

Это была Марьяна — растерянная, озабоченная.

Первым желанием Ивана было выскочить из машины и побежать за ней, но он остановил себя. И набрал номер ее домашнего телефона...

«А что это за фрукт такой? — думал Иван, глядя на водителя, который, проехав несколько метров, зачем-то полез в капот. — О чем она с ним договаривалась?»

— Мара, где ты была всю ночь? — спросил Иван, когда, услышал голос Марьяны в телефонной трубке.

— Я... Я была дома, — соврала Марьяна, делая вид, что только что проснулась.

У Ивана свело челюсти.

— А почему трубку не брала? — спросил он. — Мобильник выключен. А домашний не берешь...

— Я была дома, — резко оборвала его Марьяна.

Иван сглотнул слюну.

— Вечно ты врешь! Я был у тебя утром — в пять утра... — и тут Иван чуть не проговорился. Теперь он не собирался объяснять Марьяне, почему он посреди ночи поднял старую женщину с постели, залез в квартиру к любимой девушке, что он за нее боялся. — Я звонил в дверь! Зачем врать-то?!

— Ты был у меня в пять часов утра? — вырвалось у Марьяны.

— Значит, действительно не было, — сказал Иван, делая вид, что он только сейчас в этом убедился. — А я уж подумал, забаррикадировалась, — соврал он, — пускать не хочешь. В кошки-мышки играешь...

— Иван, зачем ты приходил? — снова прервала его Марьяна.

— Зачем?! — у Ивана от гнева, от ненависти, от распирающей его злобы побелело в глазах. — Ну вообще-то я люблю тебя. Ты вроде бы моя девушка...

— Ты вчера сказал, что если уйдешь, то навсегда, — холодным, бесчувственным голосом ответила Марьяна.

— А ты только и ждала этого, да?

— Иван, чего ты хочешь, а?

— Да ничего...

Иван нажал красную кнопку мобильного. Связь прервалась.

— Да пошла ты!..

Человек — странное существо... Говорить напрямик о собственных светлых чувствах ему страшно и неловко. Но вот таить в себе злобу и недоверие, растить в себе ненависть и разочарование он считает делом вполне достойным. Но странно не это, странно, что он не замечает этого противоречия.

Когда у человека появляется возможность сказать другому доброе слово, он находит тысячи объяснений, почему он не может этого сделать. Но когда у него появляется какой-то повод возненавидеть другого человека, он сделает все возможное, чтобы превратить этот повод в «обстоятельство непреодолимой силы».

Слабость человека проявляется в его неспособности делать добро. На этом пути он видит массу трудностей, которые не в силах преодолеть. И он не спрашивает себя — зачем он выдумал эти трудности? Он рассказывает, почему они не могут быть устранены.

Зависть человека основывается на его неспособности избавить себя от зла, несмотря на очевидные плюсы этого избавления. Избавление от этого зла кажется человеку преступлением против правды. И он не спрашивает себя — разве может быть избавление от зла преступлением?

Тем временем водитель «Фольцвагена» закончил копаться в моторе, сел за руль и тронулся с места. Иван проводил его взглядом, затем резко, словно бы что-то вспомнив или поняв, завел автомобиль, рванул с места и начал преследование.

На первом же светофоре, где машины встали на красный свет, Иван включил аварийку, выскочил из своего «Порше», подбежал к машине незнакомца и постучал в водительское стекло — мол, открывай!

Человек за рулем нехотя покрутил ручку стеклоподъемника.

— Дело к тебе есть, — сказал Иван.

— Дело? — не понял водитель и оглянулся.

— Да, — бросил Иван, быстро обошел машину спереди, открыл дверцу и сел.

— Аварийку включи, — в приказном тоне сказал Иван.

— Я не понял... — напыжился водитель, пытаясь выглядеть как можно более грозным.

Иван во избежание дальнейших препирательств сам нажал красный треугольник на приборной доске. Удивленный водитель снова обернулся, но на сей раз был более внимателен и, увидев стоящий сзади на аварийке «Порше», присмирел.

— Девушку ты сейчас подвез, — хриплым голосом констатировал Иван. — Давно знаешь ее?

— Давно? — глупо ухмыльнулся водитель. — Да откуда?! Сегодня вот возил ее, и все.

— И все?.. — слегка прищурился Иван.

— Все, — подтвердил водитель. — А чё?

— Одну возил?

— Ну... Это... — растерялся водитель. — И одну, и нет.

— Что это значит? — прошептал Иван, сжимая челюсти, словно заворачивая тиски.

— То и значит. Был этот ее ухажер — вместе они ездили. Рассвет встречали. А потом он вышел, а ее я сюда привез — по адресу, как сказано.

— Он сказал?

— Он.

— И что за ухажер? — желваки прокатились по скулам Ивана. — Ничего себе?

— Да откуда мне знать, — стал открещиваться водитель. — Мне пассажир — он всегда пассажир, а какой он и что — не мое собачье дело.

— И... — Иван резко дернул рукой.

— Ну, пониже вас будет, — бормотал водитель. — Импозантный такой. Современный.

— Молодой?

— Молодой. Лет двадцать пять, может. А может, и меньше? — задумался водитель. — А может, и больше? Черт его разберет. Денег дал — ого-го сколько! Неделю теперь можно не работать.

— Понятно... — прохрипел Иван, нервно облизал сухие губы и уже собирался выходить из машины, как вдруг повернулся к водителю и спросил: — Высадил-то где?

Водитель назвал улицу. Иван бросил на него последний испепеляющий взгляд и вышел, хлопнув дверцей.

— Черт вас дери! — выругался водитель. — С ума посходили все!

То, что она лежит на полу, Марьяна поняла только потому, что ей необходимо было встать, чтобы подойти к двери и открыть ее человеку, который вот уже минуту нервно жал на кнопку ее дверного звонка.

— Иван... — прошептала она, пятась по коридору.

Он стоял на пороге ее квартиры — бледный, осунувшийся, сосредоточенный, злой.

— Кого-то другого ждешь? — Иван посмотрел на нее исподлобья.

— Я... Я... — Марьяна не могла вымолвить ни единого слова.

Она смотрела на Ивана и пыталась понять природу собственных чувств. Что с ней случилось? Что переменялось в ней? Она влюбилась. Она снова в него влюбилась. Она знает, что он никогда не будет таким, каким бы ей того хотелось, она наперед предвидит все его предательства, всю ту боль, которую он принесет ей, но она любит.

Не раздеваясь, Иван прошел в кухню, налил из-под крана стакан холодной воды и выпил его залпом. Марьяна смотрела на Ивана из коридора — высокий, огромный черный силуэт на фоне яркого зимнего солнца, льющегося через окно. Чужой, совершенно чужой человек, без которого Марьяна не может жить. Не сможет никогда...

И вдруг раздался непонятный треск, Иван слабо вскрикнул, точнее, прохрипел: «Эх...» На пол посыпались осколки.

Иван бросил остатки разбившегося стакана в мойку и зажал порезанную руку другой ладонью. Кровь пошла сильно, несколько крупных капель упало на пол.

Марьяна метнулась в кухню и засуетилась:

— Надо под воду, — она крутанула вентиль и потянула Ивана за рукав. — Давай под воду! Вдруг осколки остались, надо промыть...

— Отстань! — рявкнул Иван и оттеснил Марьяну от мойки.

Марьяна подалась назад, ударилась о край стола и бессильно опустилась на стул.

— Эх... Черт! — ругался Иван. — Какая же ты стерва, Марка! Потаскуха... Хорошей жизни захотелось, да? Один мужик ее ужинает, другой танцует. А я-то, я-то какой козел! Дурак! Кретин! А я все за чистую монету... Думаю, может, плохо ей или как? Может, что неправильно делаю? Может, мягче нужно быть, сговорчивее?.. А она... Да, Мара. Удивила ты меня. Точнее, даже не удивила, а знаешь, в дерьме искупала. Да, это точнее. Правильное сравнение. В дерьме.

Иван обернулся. Марьяна — ни жива ни мертва — смотрела на него своими огромными глазами, плоскими слез на крошечном, чем-то очень красивом лице. Она сидела, забравшись на стул с ногами, обхватила колени руками и плакала. Молча. Слезы лились, лились, лились...

— А чего ты плачешь? Чего?! — прорычал Иван. — Ты же все время за честность ратуешь, за правду. И где она, правда эта?! Где?! Я сегодня ночью, Мара...

Иван хотел рассказать о том, как сегодня ночью он чуть с ума не сошел, когда подумал, что с ней что-то случилось, хотел ломать металлическую дверь в эту квартиру, чуть не разбилась на машине, мчась за ключами... Но осекся. Он подумал, что это будет проявлением слабости. А он не хотел быть перед Марьяной слабым. Нет. Ни за что.

— Сегодня ночью... — повторил Иван, собираясь с мыслями. — Думал, как нам быть дальше. И я понимаю теперь, что у нас нет этого «дальше». Понимаешь, его просто нет!

— Не говори так, — жалобно попросила Марьяна. — Не говори, Иван.

Глаза Ивана буквально налились кровью. Он вспомнил свой разговор с водителем. Вспомнил описание этого «современного, импозантного». И его затрясло от злости.

— Господи, да что ты говоришь такое, Мара?! — заорал Иван. — Ты подумай сама, а?! Ты же мной крутишь-вертишь. Тебе же наплевать на меня, на то, что я чувствую.

— Мне не наплевать...

— Да ты это говоришь только! Ты даже не поинтересовалась никогда, каково мне! Что я чувствую, что я думаю, из-за чего переживаю! Ты же не в курсе! Вообще!!!

— Я... Я...

— Да хватит уже! — зло, с чувством нескрываемого отвращения бросил Иван. — Хватит!

Марьяна словно зомби поднялась со стула и на шатающихся ногах вышла.

— Черт! — выругался Иван, заметив, как сильно кровоточит рана.

Он взял кухонное полотенце, обмотал руку и шагнул в коридор. Марьяна стояла, прислонившись к стене. Лицо ее было белое.

— Ну все, пока, — холодно сказал он и повернулся, чтобы уйти...

— Ты ее любишь, да? — прошептала Марьяна.

— Что? — не понял Иван.

Он бросил в сторону Марьяны непонимающий взгляд.

— Любишь, да? — повторила Марьяна, утирая слезы. — Скажи. Мне важно.

— Люблю? — Иван скривился. — Кого?

— Ну, ту девушку... — Марьяна глотала слезы.

— Ты с ума сошла, да? — ухмыльнулся Иван. — Дураком или подлецом хочешь меня выставить, что-то я не пойму?

— Мне Гала рассказала, а ей Борис... — прошептала Марьяна. — Я знаю.

Иван испытал шок. И Марьяна увидела этот испуг. Она увидела его, и все в ней снова перевернулось.

— Я... — начал было Иван, готовясь оправдываться.

— Не надо ничего объяснять, — прошептала Марьяна. — Просто уйди, и все.

Человек — странное существо... Когда ему дается шанс все исправить, он избегает его. Когда у него уже нет никакой возможности поправить свое положение, он бывает необыкновенно настойчив. Чего же он боится? Неужели того, что все в его жизни будет складываться хорошо? Неужели он боится собственного счастья?

Все это есть отчаянное недоверие человека к жизни. Он не верит в то, что его жизнь может быть счастливой, в нем нет этого чувства, а без него он не способен сделать ее такой. И не потому ли он призывает в свою жизнь чудо, что считает, будто бы без чуда его жизнь не может быть счастливой?..

Завистливые мечты человека о счастье, которого нет, которое можно только делать, лишь множатся от слабости, которой как раз в человеке с избытком. Слабости столь великой, столь безмерной и изощренной, что даже на то, чтобы верить жизни, человеку нужны доказательства! И в виде доказательства он требует чуда!

Как противоестественной природой чуда можно доказать добрую волю естественной жизни, известно, видимо, только самому человеку...

### Часть третья ЦЕЛЬ И БОРЬБА

*Они познакомились два года назад,  
совершенно случайно, по Интернету.  
Обсуждали на форуме одну книгу...  
«Схимника» Анхеля де Куатьэ.  
Обменивались своими впечатлениями,  
радовались общим открытиям.  
А в какой-то момент поняли,  
что просто не могут друг без друга.  
И встретились. Иван приехал к Марье.  
Пару недель они провели за городом —  
в местном санатории, «на водах».  
А потом Марьяна собралась  
и поехала вслед за Иваном.  
Жениться сразу не получилось  
(родители Ивана были против),  
но влюбленные и сами не очень-то спешили  
со всеми этими «формальностями».  
«Ведь важно другое, — думали они тогда. —  
Важно то, что мы любим друг друга...»*

Иван ушел. Но Марьяна больше не плакала. Напротив, она успокоилась. На душе стало как-то ровно... У Ивана другая женщина, он даже не старался отрицать это. Своей изменой он подтвердил худшие опасения и высказывания Марьяны. А коли так, то и хорошо. Ведь это значит, что Марьяна не клеветала на него, когда называла Ивана эгоистом, и не ошибалась, когда решила, что будущего у их отношений нет.

Марьяна включила компьютер, Интернет и вошла на сайт, посвященный творчеству Анхеля де Куатьэ. Когда-то он был ее любимым писателем, потом, правда, разочаровал, но привычка ходить на этот форум осталась. В какой-то момент форум «переехал», но стал только лучше, и там у Марьяны появился искренний собеседник — BegleЦ.

От первых книг, в которых Анхель писал о Скрижалях, Марьяна получала огромное удовольствие. Каждая открывала ей какую-то новую грань жизни. Мир виделся и представлялся Марьяне после этих книг совсем по-другому. Она чувствовала, как с каждой новой книгой что-то менялось в нем, в этом самом мире, в лучшую сторону.

Первое время Марьяна и Иван даже думали, что описываемые в книгах события — чистая правда, что все на самом деле так и происходит. Мексиканец приехал в Россию, нашел

здесь Избранного, и теперь они спасают этот мир, ищут Скрижали Завета. Но после «Золотого сечения» автор стал писать какие-то нудные книги ни о чем.

В «Скрижалях» были самые настоящие истины. Из книги «Всю жизнь ты ждала» Марьяна поняла, что главное — это любовь. Из книги «Возьми с собой плеть» — что с ненавистью надо бороться. Из «Учителя танцев» и «Дневника сумасшедшего» — что любовь преодолевает страдания и внутреннюю раздвоенность. Из «Маленькой принцессы» — что правда побеждает зло. Из «Исповеди Люцифера» — что каждый человек нужен Вселенной.

Потом появилось «Золотое сечение», и Марьяна расстроилась. Дело в том, что Иван, который с таким же интересом читал «Скрижали», все время объяснял значения Скрижалей по-своему, не так, как Марьяна. И по «Золотому сечению» выходило, что он вроде как был прав. Иван очень обрадовался и стал подсмеиваться над Марьяной.

Но ведь «Золотое сечение» ничего не доказывает. По большому счету Скрижали для каждого свои — кто что прочел, то и есть его правда, его знание, данное ему Откровение. Марьяна пыталась объяснить это Ивану, но Иван ее словно не слышал. Только шутил и подначивал ее. Но Марьяна все равно знала: любовь — это главное.

Да, а потом начались эти «Печати». Там и вовсе все было какое-то искусственное, скучное. Непонятно о чем. «И зачем вообще писатель стал об этом рассказывать? — подумала в какой-то момент Марьяна. — Исписался...» И перестала читать. Иван иногда почитывал, но тоже без особого восторга. Говорил, что просто «приятно читать».

Прежнего чувства, прежнего полета души, как при чтении Скрижалей, уже не было. А рассказывать про грехи человека?.. Но зачем для этого Анхель де Куатьэ? Они ведь и так известны — не убий, не укради, не прелюбодействуй... И без «Печатей» понятно. А грешить... Марьяна не грешила, она посвятила свою жизнь любви. Это важно.

В какой-то момент Иван пытался ей объяснить, что стремление к власти, эгоизм и зависть — это препятствия на пути к Свету, и именно об этом пишет Анхель. Но на это Марьяна ответила, что у каждого человека свои препятствия на пути к Свету. И главное — это отсутствие любви. А если человек любит, то у него и вовсе — нет никаких препятствий.

Тогда Иван посмотрел на нее с раздражением и сказал:

«Знаешь, Марьяна, ты говоришь это так, словно бы хочешь меня уесть. Ты что думаешь, я тебя не люблю?»

«Ты любишь меня не так, как я тебя», — ответила Марьяна, ощутив всем своим существом, что это именно так: Иван любит, но его любовь — это не то же самое, что любовь Марьяны.

В тот день, после этого злополучного, но необходимого разговора Иван и Марьяна впервые серьезно поссорились. Конечно, они ссорились и раньше, но после того как Марьяна сказала Ивану правду, между ними пролегла трещина, которой впоследствии суждено было превратиться в самую настоящую пропасть.

Человек — странное существо... Он придумывает цели, насыщает их собственным чувством и дальше верит им — этим придуманным целям — как самому себе. Конечно, ему это нетрудно, ведь они полны его собственным чувством. Только почему человек совершенно не задумывается о том, что цель можно только видеть, а придумать ее нельзя?

Цели — вокруг человека, а не внутри него. Они — в жизни, а не в его голове. Истинные цели — это дела, а не идеи и идеалы. Дела, которые человек должен выполнить, потому что таков замысел, для того ему даются возможности. Но он отказывается от дел и предпочитает выдумывать себе иллюзорные цели, вместо того чтобы выполнять свое дело.

Поскольку цели человека выдуманные, эффекта он не достигает, злится и начинает спорить с жизнью, а потом, не добившись успеха, и воевать с ней. Это равносильно тому, как если бы плод внутри матери объявил бы войну ее утробе.

Человек решил, что он лучше Бога знает, что и как будет лучше. И теперь доказывает это. Он определяет задачи и цели...

Человек живет в мире иллюзорных целей и борется с Тем, чьей частью является. Как палец является продолжением руки, так и человек является продолжением мира. Он палец, решивший, что его рука недостаточно хороша для него... Он безумен.

Марьяна авторизовалась на сайте под своим ником — SolnЦе. Просмотрела активные темы и создала новую — «Разочарование» — с подзаголовком «Чему нас учит разочарование?..»

### **SolnЦе:**

Сегодня я пережила самое большое разочарование в своей жизни. Никогда не думала, что это может быть так... Когда любишь, то многого не замечаешь. Это правда. Но не вся правда. Любовь — святое чувство, оно дает тебе силы терпеть, входить в положение, понимать. Но как быть, если твое чувство не ценят, не дорожат им? Как быть, если человеку, которого ты любишь, на тебя наплевать? Как быть, если ты несешь ему в ладонях свою душу, а он отмахивается от нее как от надоедливой мухи?..

Сегодня я пережила страшное разочарование... И поняла, что любить надо не кого-то, а себя. Потому что любовь — она у тебя в душе. А любить надо любовь. Нельзя любить холодность, жестокость, черствость. Меня предали. Очень стыдно, неловко об этом говорить, но это так — меня предали. Предал человек, которого я любила больше всего на свете, больше жизни. Я могла, мне кажется, терпеть от него все. Даже измену, наверное. Сегодня, кстати, об этом и подумала. Но нельзя терпеть пренебрежение к твоей любви. Это неправильно. Это преступление. Преступление перед самой собой.

Сегодня я пережила страшное разочарование... И сегодня же — вот странный день! — я поняла и почувствовала, что значит настоящая, одаряющая любовь! Любовь — это когда есть Он, и ты больше ничего не боишься. Ничего! Это такая огромная внутренняя свобода. Когда мир не закрывается от тебя, не прячется и не нападает, а открывается тебе. И если раньше у меня была любовь жертвенная, то теперь все будет иначе. Я буду чувствовать свое сердце и верить ему. Раньше я тоже так думала, но это были только слова. Слова, слова, слова... А сегодня это стало частью моей жизни.

Сегодня я пережила страшное разочарование... И поняла, в чем причина. Причина в том, что я не слушала свое сердце. Оно



ведь подсказывало мне: что-то тут не так, что-то тут неправильно. «Не жертвуй собой», — говорило мне мое сердце. Но я не слушала его. Я думала, что любовь побеждает все, преодолевает все препятствия. И это так, но иначе... Она побеждает все, преодолевает все препятствия, если ты любишь себя, любишь Бога, который заключен, как искра Света, в твоём сердце. Именно об этом когда-то писал Анхель, о том, что все мы — частицы Источника Света... Себя надо любить.

Сегодня я пережила страшное разочарование... Кстати, когда-то я пережила разочарование в Анхеле (можете меня ругать за это, но это правда). И теперь я понимаю, что у разочарования всегда одна и та же природа. Прежде я верила Анхелю и отдавала ему себя, но это была ошибка, потому что мое восхищение рождалось во мне, и я должна была благодарить не Анхеля, а свое сердце, саму себя. Я рассчитывала на его помощь, но не на себя, не на тот Свет, который заключен в моем сердце. Я разочаровалась, и поделом мне. Впредь я буду слушать свое сердце, беречь его и заботиться о нем!

Сегодня я пережила страшное разочарование... Но я извлекла урок! У меня не будет больше идолов и кумиров, у меня будет один Бог, как и заповедано в Библии, и этот Бог живет в моем сердце. И этому Богу я посвящу свою жизнь! Возможно, когда-то в моей жизни появится человек, который будет думать так же, — ведь Бог живет в каждом сердце! — и тогда мы сможем по-настоящему любить друг друга. В нашей любви не будет ни жертвы, ни страдания, в нашей любви будет только Высшее! В ней будет Свет! И тогда мир открывается, и тогда...

Мысли в голове Марьяны путались. Пальцы устали от напряжения, перестали попадать по клавишам... И сон, а Марьяна фактически не спала в эти сутки, увлек ее. Она уронила голову на клавиатуру, кликнув в последнюю секунду — «Отправить».

Марьяна очнулась через два часа от неприятного чувства скованности во всем теле. Она заснула в очень неудобном положении, прямо на столе. Ее руки, ноги, шея ужасно затекли. Голова болела. Она случайно толкнула рукою «мышь», и заснувший было монитор ожил.

Марьяна решила перебраться на диван, но что-то ее толкнуло посмотреть — что там, с ее постом.

На сайте был BegleЦ, и он уже успел оставить в ее теме свое сообщение. Марьяна протерла глаза и уставилась на экран.

### **BegleЦ:**

SolnЦе, совпадение или знак?.. Наверное, прав был Анхель, когда говорил, что нет в мире ничего случайного. Я тоже сегодня пережил страшное разочарование... Не разочарование даже, а... Не подберу нужного слова. Смерть любви. Да, я пережил сегодня смерть любви — узнал о предательстве любимого человека. Впрочем, сам дурак, конечно. Все к этому шло, но я был слеп. Ты права, SolnЦе, любовь ослепляет.

Знаешь, почему я назвался BegleЦ? Потому что мне было тяжело с ней. Хотелось сбежать. Ты права, нужно слушать свое сердце. И я сбежал. Вот хотя бы сюда. И здесь встретил тебя, SolnЦе. Ты стала моим СОЛНЦЕМ. Моей радостью. Моим другом... Я никогда не спрашивал у тебя, сколько тебе лет, чтобы

думать, что ты моя ровесница, что ты моя вторая половина. Я сбежал к тебе, но продолжал быть с ней...

Мне казалось, что если даришь человеку себя, все, что у тебя есть, то он обязательно откликнется, отзовется. Может быть, не сразу, но оценит, поймет. Но я заблуждался. Жестоко заблуждался! Мне хотелось думать о ней, что она особенная, не такая, как все. Когда-то я даже чувствовал, что она меня понимает, что я ей небезразличен. Но оказалось, что я был для нее просто «путевкой в жизнь», а не любимым.

Ужасно чувствовать себя нелюбимым. Это так больно. Так неприятно. Так гадко. Ты любишь, хочешь, чтобы у человека все было хорошо, а он... Он кивает головой, соглашается, принимает твои подарки. Но ты несешь ему душу, как ты сказала, SolnЦе, а он отмахивается от твоей души, плюет в нее. При этом продолжает говорить, что любит, что ценит, что дорожит. Даже говорит, что любит тебя больше, чем ты...

Я читал твой пост и плакал, SolnЦе. Это слабость, это не по-мужски, но я плакал. Мне нечего скрывать... Плакал, потому что ты высказала все мои мысли. Любить нужно себя. Я сегодня это понял. Разочарования учат... В наших сердцах есть любовь, и мы должны быть им благодарны, мы должны любить их — свои сердца. Бог в сердце, поэтому и любить нужно свое сердце. Это дает свободу, ту самую, от страха, о которой ты и писала... Я плакал. Я плачу.

Что-то кольнуло Марьяну в сердце — больно-больно, словно пчела ужалила. Она заколотила по клавишам...

**SolnЦе:**

BegleЦ, привет! Да, ничто не случайно! Я теперь совершенно точно, совершенно отчетливо это понимаю! Разве не чудо, что мы встретились с тобой на этом сайте? Нет, это самое настоящее чудо! Сегодня мне было больно и тебе было больно, но разве это не боль очищения, подумай! Мы очищаемся от своего прошлого, оставляем его позади, но зато мы приобрели великий опыт и великое знание!

Я хочу тебе признаться, BegleЦ. Я не случайно назвалась так, как назвалась, — SolnЦе. Я прочитала несколько твоих постов, твоих грустных, печальных постов, в которых ты рассказывал о своем одиночестве, сказал, что одиночество — это Тьма. И мне захотелось быть для тебя СОЛНЦЕМ, согреть тебя своим Светом. Знаешь, это родилось где-то в душе... И тогда форум как раз «переезжал», и я пришла на новый форум с новым ником специально для тебя...

Нет, ничто не случайно. Я думаю, ничто не случайно!!!!!!!!!!

Отправив сообщение, Марьяна замерла у экрана монитора. Минута, другая. Ответа не было. Марьяна встала и пошла на кухню. Кругом кровь, кровь Ивана. Осколки стекла. Марьяна почувствовала страх и отвращение. Ей вдруг стало противно, что этот человек был в ее жизни. Он хотел подавить ее, сделать ручной, как собачонку. А она терпела. Терпела, потому что любила, а он так ничего и не понял. Так ничего и не понял! Марьяна с отвращением обошла

капли крови на полу, открыла холодильник, достала коробку молока, отпила прямо из нее и вернулась в комнату. Дрожа от нетерпения и страха, она нажала на клавишу «Обновление страницы». Экран моргнул, и на нем появилось новое сообщение BegleЦа.

**BegleЦ:**

Правда?! SolnЦе, мое сердце разрывается от радости! Неужели Бог услышал мои молитвы?! Это правда?! Ты сделала это для меня?.. Моя девушка никогда бы не поступила так! Она бы никогда не сделала ничего подобного. Она бы сказала, что это ниже ее достоинства. Что она личность и не может поступаться этим. А ты, SolnЦе, сделала! Нет, Бог есть! Бог любит нас!

И ты права, тысячу раз права! Мы должны любить свое сердце! Мы должны любить Бога, который живет в нем! Видишь как — мы поняли это, и сразу случилось. Мы смогли признаться друг другу в своих чувствах! И я хочу повторить, повторить это! Я полюбил тебя, SolnЦе! Как только ты стала писать свои полные нежности и света посты! Я полюбил тебя всей душой, всем сердцем!

Возможно, я и не понимал, что люблю, не мог понять. Но теперь я понимаю. Это так! Я люблю тебя, SolnЦе! Мы говорим с тобой от сердца к сердцу, так искренне и свободно, как никогда прежде я не говорил в своей жизни ни с кем! Мы с тобой — родные люди! Я всегда это чувствовал, но боялся признать это. Мне казалось, что это будет предательством, что я должен сохранять верность... Но кому?! Человеку, который всадил мне в спину нож! Господи, и тебе ведь пришлось пережить то же самое! Как ужасно!

Да, мне казалось, что я люблю мою девушку, но это была неправда. Я хотел ее любить. Я рассчитывал, что она изменится, станет другой, поймет, оценит, полюбит по-настоящему... Но это было неправильно! Так нельзя! Нельзя поступать вопреки своему сердцу. Ведь это значит — топтать Бога. А Бог не прощает такого обращения. Не прощает! И правильно делает! Мы должны пройти весь путь и понять: любить нужно свое сердце, и как только ты полюбишь его, Бог пошлет тебе *твоего* человека! SolnЦе!!!!!!!

Марьяна расплакалась. BegleЦ говорил ей именно те слова, которые она хотела услышать. Он словно знал, что и как он должен сказать, чтобы дотронуться своей душой до ее души. Они родственны! Они — две половинки единого целого! Марьяна поняла это настолько отчетливо, настолько ясно, что ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Она так долго шла к этому — к осознанию этой жизни, пониманию ее тайны.

И сегодня все открылось. Через боль, через страдание. Но любовь побеждает все. Она побеждает...

Человек — странное существо... В иллюзорном мире он чувствует себя комфортнее и счастливее, чем в реальной жизни — в мире, частью которого он является. Не потому ли так, что вся его даже реальная жизнь протекает в пространстве иллюзии? Не оттого ли, что он так привык к иллюзорности?

Иллюзорные цели, иллюзорные противники — это иллюзорные достижения и иллюзорные победы. Но человек принимает иллюзию за реальность, а реальность жизни становится для него — иллюзией.

Знает ли он, что призван к делу? Но даже если бы и знал, то разве бы смог его выполнить? Нет, и потому ищет он не дело, а цель, которую он раскрасит своими чувствами и восторгами. А дело... Оно не слишком живописно, да к тому же не имеет цели, поскольку оно само — цель, а точнее — смысл.

Но упивается человек собственными чувствами и не видит того, что лежит на поверхности. Когда же кажется человеку, что глядится он в глубину и видит истину, на самом деле он подобен тополиному пуху — поднят ветром, который несет его в никуда.

Марьяна собиралась тут же написать VegleЦу ответ — ее буквально трясло от внутреннего возбуждения, от ощущаемого уже предвкушения счастья, но что-то случилось с сайтом. Пришлось перезагружаться, снова войти в общее меню форума, выбрать позицию «Активные темы»... И тут взгляд Марьяны словно прилепился к экрану.

Последней созданной на сайте темой была — «А я вчера видел Ангела!» Тема Марьяны — «Разочарование» — была как раз под ней, и Марьяна вошла бы в нее не раздумывая, но, увидев эту — об Ангеле, она на миг оказалась совершенно дезориентирована... Она сегодня повстречала человека с таким именем. Марьяна вспомнила его, его объятья и задрожала, но теперь по-другому.

«Что бы это могло значить?» — подумала Марьяна, отказываясь верить своим глазам. — Нет... баловство. Не может быть, — прошептала она.

И ее рука сама собой подвела стрелочку «мыши» к теме об «Ангеле». Клик...

**FDR:** Сегодня я видел человека, который сказал мне, что он Ангел. Вы мне можете не верить, но это так. Он и выглядел как самый настоящий Ангел, только без крыльев. И вот он сказал мне кое-что, что я хочу с вами обсудить. Он мне сказал: «Если ты не хочешь накликать беды, как бы тебе ни было трудно, никогда не призывай Бога в свою жизнь и вообще — не рассказывай Ему, что Ему следует делать». Это я помню дословно. И еще, когда я спросил его, зачем он пришел... Я подумал, что он пришел совершить чудо — ведь он же Ангел. Он мне сказал — тут я дословно не помню: «Я не Ангел Смерти, иначе бы я сотворил чудо, какое надо человеку. Но пока я просто Ангел. Просто пришел, потому что меня вызвали». В общем, такой состоялся разговор. По-моему, очень интересный. Хотите обсудить это?... Жду!

На этот пост уже было несколько ответов. Vektor-M писал:

**Vektor-M:**

Ну ты дал! Приколист! Вот насмешил!!! :)))) Класс! Ангела, говоришь, видел! Прикольно! Ну и как он? Колись!

**Tamara:**

Зря вы так говорите, дорогой Вектор... Ангелы-Хранители есть у каждого человека. И они являются ему, когда это необходимо. И вот, видимо, FDR понадобилась помощь, поэтому Ангел ему и явился. Мне тоже являлся, когда мне было это очень-очень-очень необходимо! И спасибо ему! Поэтому перестаньте флудить! (((—

**Vektor-M:**

И тебя вылечим, и меня вылечим. :))))))

**Ангелочек:**

Я хотя в Ангелов и не верю... (Правда, я им называюсь :) — хи-хи.) В том смысле, что они могут являться людям как люди. Но то, что контакт с потусторонним миром возможен, это ведь даже ученые доказали! Вы книжки-то почитайте! Поэтому я FDR верю. Это очень хорошо! FDR, а расскажи, какой он? Как он выглядит?

**Vektor-M:**

Я не флужу!!! Я высказываю мнение! Свободу Юрию Деточкину!!! :))))

**FDR:**

А по существу кто-нибудь что-нибудь скажет?

**Vektor-M:**

Вот я по существу и говорю — и тебя вылечат, и меня вылечат. :)))) Советский суд — самый гуманный суд в мире! :))

Марьяна испытывала странное чувство. Ей казался этот разговор совершенно бессмысленным, но и уйти из темы она не могла.

**Tamara:**

По существу я хочу сказать: FDR, тебе просто нужно задуматься над своей жизнью. ЕСЛИ ТЫ видел своего Ангела-Хранителя, это значит, что у тебя очень важный период в жизни. И его надо осмыслить. Извлечь из него уроки. Принять. Это очень важно!!!

Марьяна взяла себя в руки.

«Нет, это просто совпадение, — сказала она себе. — И что они могут тут сказать? Переливают из пустого в порожнее...»

Подумав так, Марьяна вернулась в список активных тем, кликнула на теме «Разочарование», но никаких новых постов от BegleЦа не было, а настроение писать самой почему-то пропало. Не так чтобы совсем, но как-то было странно. Нужно было написать о своих чувствах... Признаться в ответной любви? Но не рано ли?..

«Нет, пусть он еще что-нибудь напишет, и тогда я отвечу», — решила Марьяна и вернулась в тему, посвященную встрече с Ангелом.

Каково же было ее удивление, когда она увидела, что BegleЦ тоже появился в этой теме и уже оставил свой очень лаконичный и загадочный пост. За ним уже следовали другие...

**BegleЦ:**

Странное совпадение...

**S3:**

Он так и сказал: «Если ты не хочешь накликаешь беды, как бы тебе ни было трудно, никогда не призывай Бога в свою жизнь»

и вообще — не рассказывай Ему, что Ему следует делать»? Странно. Вообще считается, что Ангелы — это как бы часть Бога, как бы его такая временная реинкарнация, земное воплощение. В Ветхом Завете так. Может быть, у вас был с ним какой-то разговор, ты его о чем-то попросил, а он так и ответил? Думаю, в этом дело. Он просто не хотел, чтобы ты его просил о том, о чем попросил. Вот он и сказал — мол, не сделает того, о чем ты просишь. Думаю, так было дело. Но все равно прикольно!

**Vektor-M:**

А я сошла с ума... А я сошла с ума... Какая незадача! Вы не подскажите, в каком ухе у меня жужжит?! :))))

**SolnЦe:**

BegleЦ, ты тоже тут?

**Vektor-M:**

Всем лечиться! Срочно! Кащенко! :))))

**BegleЦ:**

Да, SolnЦe. Случайно зашел. Что-то с компом случилось или сайт завис. Я не понял. И потом вот тут оказался. А ты?..

**FDR:**

Нет, я ничего не говорил перед этим толком. То есть — не просил. А он это сказал как бы само собой, между делом.

**SolnЦe:**

Что-то вроде того...

**Tamara:**

Кое-кто, возможно, очень тут веселится. Но смех без причины — признак дурачины! Серdito грожу Вектору пальчиком!

**Vektor-M:**

Шестая палата! Уколы каждому!!! Тройная доза!!! :))) И попрошу Шарикову больше не наливать!

**S3:**

Ну, тогда это странно... Ну, ты уверен точно, что это был Ангел, да?

**Ангелочек:**

Знаете, а я себе его уже представила... Он такой красивый-красивый. Весь в белых одеждах. Они у него развеваются. Как в «Матрице» примерно — когда такие одежды, что они как крылья. Но белое! Красота... Ангел и Ангелочек... FDR, почему ты такой счастливчик, а? (((—

**FDR:**

S3, ну да — уверен. Он меня по имени назвал, хотя ни разу в жизни не видел. Странно, согласись. Кто еще может знать?

**Vektor-M:**

Вот укурились!!! Чума...

**Vektor-M:**

S3 — жжет!

**Tamara:**

Ну, это не аргумент. Вообще Ангелы-Хранители имена не называют. Это даже странно. А Вектора попрошу сидеть тихо! У нас серьезный разговор!

**BegleЦ:**

Он тебя по имени назвал?

**SolnЦe:**

Он тебя по имени назвал?

**Vektor-M:**

Кое-кто начал заикаться! Электрошок в студию!!!! :))))))

**FDR:**

Да, назвал по имени. Хотя откуда он знает?.. Но меня больше волнует то, что он сказал. Я объясню, как я понимаю. Может быть, неправильно. Но думаю так... Вот что такое молитва? Не какая в церкви, а как люди обычно молятся. Все же молятся. «Господи Боже, помоги мне, грешному...» — и далее человек говорит, в чем именно он желает помощи. Но это же что получается, если разобраться? Человек говорит: «Бог, сделай то-то». Он как бы инструкции Богу дает. Так ведь? А это что значит? Это значит, что человек думает, будто Бог не знает, что Он должен сделать. А человек ему вроде как подсказывает. Как дорогу слепому. Это ведь глупая ситуация, правильно?

**Tamara:**

Так о молитве рассуждать нельзя!!! Молитва — это песня души, которую мы направляем к Богу! И конечно, мы просим у Него о чем-то своем, о чем-то очень личном, сокровенном, но это же естественно, он ведь Отец наш Небесный! Нет, так о молитве говорить нельзя! (((—

**BegleЦ:**

А что он про чудо сказал?

**SolnЦe:**

А что он про чудо сказал?

**Vektor-M:**

Электрошокер не справляется! Караул!!! :))) Демоны окаянные замуровали!

**Tamara:**

Я вот что скажу тебе, FDR... Если бы это был твой Ангел, то у тебя бы твои вопросы не появились. Только сейчас это поняла. Ангел общается на сущностном уровне, поэтому его слова не понять невозможно. А если ты не понял их, значит — это или был не твой ангел, или вообще все это тебе только померещилось. И не говори так больше никогда о молитве! А совпадения двух «Ц», ты прав, Вектор, настораживают... Что-то здесь нечисто :)))(

**S3:**

Ну, по поводу молитвы со всеми вами можно, конечно, поспорить. Молитва — это ритуал. Это мантра своего рода. Просто возникает определенный ритм, синхронистичность между сущностью души и Духа. Поэтому отрицать молитву нельзя, но и смысл ее, а смысловые поля обладают силой, это тоже сбрасывать со счетов нельзя.

**Vektor-M:**

Из-за острова на стрежень, на простор речной волны... Ах, выплывали расписные Стеньки Разина челны...

**Ангелочек:**

Какая у вас проблема, больной?! Доктор, меня игнорируют! Следующий!!!

**FDR:**

Вот про чудо я как раз и не очень понимаю. У меня было ощущение, что не мне это говорилось, поэтому я и не понял. Но

странное ощущение возникло... Мне показалось, что Ангел говорил о чуде как о чем-то негативном. И тогда я стал рассуждать — почему такое может быть? Пришел вот к такому выводу (может быть, не прав, конечно)... Что такое чудо? Чудо — это что-то, чего не должно быть. Так? Все в мире разумно — есть причины, есть следствия. Одно вытекает из другого. То есть это строгая, логичная внутри себя последовательность событий. И это некая целостность, единство элементов. Не знаю, понятно я объясняю?.. Ну ладно. А вот чудо, это когда что-то *сверх* этого появляется. Это же нарушит естественную последовательность событий, так? А если нарушит, то следствие уже не будет равняться причине. В смысле, что причина одна, а следствие другое, не соответствующее. Потому что была причина, а стала причина плюс чудо, поэтому следствие, конечно, меняется. Наверное, совсем я вас запутал. Ну, по-другому не знаю, как объяснить... И вот я так думал, а потом вспомнил, как мне дедушка рассказывал про мыслительный эксперимент Максвелла о Дьяволе (он любит у меня читать книжки по физике). Там такой смысл, что если бы Дьявол вмешался в некую последовательность физических процессов, то все бы полетело в тартарары, даже если бы это было совсем незначительное крохотное вмешательство в систему. Просто энергия — она же в определенном контуре функционирует, если же внести изменение в этот контур, а энергию оставить прежней, то случится или избыток, или недостаток этой энергии, и система погибнет, потому что она рассчитана на другое количество энергии. В общем, ерунда, наверное. Буду закругляться... Думаю, что чудо — оно только разрушить все может, потому что нарушает течение естественных процессов, и если бы чудо было возможно, то мы бы оказались не в той точке, где должны были бы оказаться. Но ведь есть единый замысел Творения. Есть Бог, а он лучше знает, в какой точке мы должны оказаться. И если ты доверяешь Богу, то просить о чуде нельзя, потому что этим ты как раз проявляешь недоверие Богу. Вот такие у меня мысли.

**Vektor-M:**

Вот что крест животворящий делает!!! :)))) Курить меньше надо! На табак переходи!

**Tamara:**

Вектор, я впервые готова подписаться под каждым вашим словом! Кроме где про «крест», разумеется... Надо аккуратнее быть с вещами, которые имеют глубокий сакральный смысл. Не будем богохульствовать. А «Шариков» действительно перебрал.

**Vektor-M:**

Дамочка, вы созрели? Прекрасно!!! Пройдемте в приватный кабинет... Я сделаю вам процедуру...

**S3:**

Интересное мнение... Только суть эксперимента Максвелла была в другом. Сейчас опишу. Чуть позже...

**FDR:**

SolnЦe, BegleЦ, у меня полетела настройка в привате. Давайте через ICQ? Авторизируйте меня, ладно?

**Vektor-M:**

Товарищи отщепенцы, не отщепляйтесь! :)))) Все в



приемную и ждать доктора! Он сейчас сделает дамочке процедуру и вернется. Каждый получит свой укол! Не волнуйтесь! Соблюдайте спокойствие! Палату не покидать! Из-за острова на стрежень, на...

Человек — странное существо... Разум был дан ему для того только, чтобы легче было человеку выполнить его предназначение. А для чего еще? Разве может быть другая задача у Промысла, кроме как только эта — помочь человеку на его Пути? Но каким образом человек употребляет свой разум?..

Он спрашивает: а что такое Путь? а что такое Промысел? а почему я должен по нему идти? а как долго по нему идти? а что мне за это будет? а какова цель? а как понять, что это правильный путь? а как бы я мог проверить все это?

«Мне бы хотелось удостовериться...» — говорит человек и гордится своим сомнением, своей дотошностью, своей тягой к познанию сути вещей. Только вот он ничего не делает, и путь его порастает бурьяном. Но сам человек доволен — он изучает вопрос, он познает истину. Когда-нибудь, в другой жизни он доберется «куда нужно».

Сомнением человек борется с Богом. Сомнением и бездействием. Ну что же, пусть победит и пусть умрет. Он сам так хотел...

*Странное-странное существо...  
 Когда Марьяна узнала место,  
 где FDR встретился с Ангелом,  
 она испытала странное чувство —  
 какое-то внутреннее смятение,  
 не знала, как себя вести.  
 Это случилось как раз там,  
 где сегодня, по словам водителя,  
 она рассталась с Ангелом.  
 Совпадение? Случайность?  
 И тут же VegleЦ, написал по /CQ,  
 что это место для него тоже — знак.  
 Что бы все это могло значить?  
 Что делать?..  
 Нет, случайностью,  
 банальным совпадением  
 это быть не может. Не может, и все.  
 Она расстается с Иваном,  
 и происходит все это —  
 Ангел, VegleЦ, тема на форуме...  
 Это знак.*

Уже было совсем темно. Поздний вечер. Безлюдно. Редкими ледяными крупинками падал снег. Ветер то стихал, то вдруг, словно сорвавшись с цепи, ударял Марьяну в лицо, проникал под полы ее зимнего пальто. Неприятно, зябко и... страшно.

Марьяна приехала на оговоренное место встречи чуть раньше, чем собиралась. Новостройки, гаражи. Тусклый свет фонарей. Холодно. И естественный вопрос, даже не один, — что я тут делаю? что будет происходить дальше? может быть, это какая-то ошибка?

Минутами Марьяне казалось, что она буквально сходит с ума. Она не могла поверить, что на это решилась. Ведь она абсолютно не контролирует происходящее. Она назначила в ночи встречу с двумя незнакомыми мужчинами и думает при этом о третьем...

Она отправилась сюда, совершенно не понимая — что будет дальше, чем все это закончится? кого ей предстоит увидеть? что эта встреча значит для всей ее жизни? Буквально бросилась в омут, не успев оглядеться и понять, что происходит.

Только сейчас Марьяна задумалась над тем, что BegleЦ, возможно, не замечательный молодой человек, которого она себе представляла, а странный зачуханный тип, каких много среди интернет-завсегдатаев и компьютерщиков. Очень может быть...

А еще может быть, что FDR — это никакой не FDR, а тот самый Ангел, который вот так таинственно вышел с ней на связь. Может быть, он решил проверить — поедет ли она на эту встречу лишь потому, что это место в ее жизни как-то связано с ним, с Ангелом?..

Да, все это очень возможно. Все возможно. Хотя и странно.

Но, с другой стороны, вот сейчас приедет BegleЦ, а FDR окажется Ангелом. И получится, что она пришла на свидание сразу к двум мужчинам — к одному, с которым она была близка этой ночью, и к другому — с которым она только что объяснялась в любви на форуме Анхеля де Куатьэ...

А что, если... Марьяна задумалась. А что, если ее будут любить оба этих мужчины? Просто по-разному, но оба. И у них будет такой счастливый союз...

— Нет, я положительно схожу с ума... — прошептала Марьяна и машинально схватила руку за голову.

— Здравствуйте, — раздалось откуда-то сзади. — Я Федор.

Марьяна обернулась и увидела рядом с собой мальчика десяти, ну, может быть, одиннадцати лет.

— Здравствуй, Федор... — пролепетала Марьяна. — Что тебе нужно?

— Ну... я Федор, — мальчик помахал в воздухе рукой. — Ну, тот самый. Вот и собака моя — Тим!

— Тим... — не поняла Марьяна, глядя на огромного, непонятной породы пса в наморднике и на поводке.

— Да, я написал вам, что буду с большой собакой, которую Тим зовут, — подтвердил мальчик.

— С большой собакой... — повторила Марьяна, не веря самой себе. — Ты — FDR?!

— Ну да! Федор! Я же говорю!

Марьяна почувствовала себя полной дурой. Куда она приехала? Что она себе вообразила? Десятилетний мальчик видел Ангела! Какой бред!!! И она...

— А где BegleЦ? — Федор чуть склонил голову набок.

Да, а сейчас еще приедет BegleЦ... Какой-нибудь зачуханный компьютерщик...

Марьяна в ужасе огляделась по сторонам, как человек все для себя решивший и уже собравшийся бежать прочь, сверкая пятками. Ее взгляд скользнул по темным сугробам. Идти надо туда — там можно поймать машину и...

И вдруг:

— Нет...

Сдавленный голос застрял у нее где-то между бронхами и горлом. В освещенный фонарем круг вошел Иван.

— Иван? — прошептала Марьяна и отшатнулась в сторону. — Иван?!

— Марьяна?.. — спросил он, но как-то странно — то ли удивленно, то ли рассерженно, — Марьяна не могла понять.

— Ты следишь за мной? — пробормотала она, чувствуя, как волны страха накатывают на нее одна за другой. — Что тебе нужно?

— Это что ты тут делаешь, мне интересно? — выдавил из себя Иван. — Любовника своего ждешь? Что-то он как-то странно ведет себя в отношениях с дамой — она мерзнет на улице, а он где-то шляется. Что ж ты его не воспитываешь, Марьяна?

— Иван, я не понимаю, о чем ты говоришь, — раздраженно прошептала Марьяна, понимая, что если сейчас явится BegleЦ, то ей будет не оправдаться. — Я уйду. С меня хватит. И не вздумай за мной следить! Мы с тобой расстались! Все!

Марьяна развернулась и пошла прочь.

— С какой легкостью ты это говоришь! — усмехнулся Иван. — Как ты просто все для себя решила! Какая же ты гадина, Мара... Просто — гадина. Потаскуха.

Глаза Марьяны вмиг наполнились слезами — от боли, от отчаяния, от гнева, от чувства ужасной, злой, предательской несправедливости она застыла на месте. Это он — Иван — разрушил их отношения, растоптал ее чувства, предал. А теперь, когда Марьяна, растерянная, напуганная, ищет хоть кого-нибудь, чтобы спрятаться за этим человеком... Когда она готова встречаться с кем угодно, хоть с чертом, хоть с дьяволом, только бы вытравить из своего сердца эту свою ненормальную, болезненную любовь к Ивану, он говорит — «гадина». И ему даже в голову не придет, на что ей — Марьяне — нужно пойти, чтобы справиться с этой ужасной, мучительной зависимостью от него. На что она должна решиться, чтобы вернуть себе ощущение жизни, хоть какой-то собственной состоятельности, почувствовать, что она хоть кому-то может быть нужна. Хоть кому-то... А Иван говорит — «потаскуха».

Марьяна закрыла лицо руками, продолжая идти прочь.

— А я думал, вы не знакомы, — сказал Федор, который до сих пор молча наблюдал эту сцену.

Марьяна едва расслышала эти слова и в первое мгновение не придала им никакого значения. Ее мозг уловил эту информацию, но не смог отреагировать...

— Не понял, — пробормотал Иван. — Ты, что ли, Федор?!

Марьяна вздрогнула и автоматически замедлила шаг, а еще через пару шагов и вовсе остановилась.

— Ну да, BegleЦ, я Федор, — сказал мальчик. — FDR — это мой ник.

Марьяна повернулась и растерянно уставилась на эту странную пару в круге света под желтым фонарем — Ивана, удивленно тарашившегося на мальчика с собакой.

— BegleЦ?.. — прошептала Марьяна из темноты.

Иван поднял глаза и с еще большим удивлением уставился в ее сторону.

— SolnЦe?.. — прошептал он, и его голос дрогнул.

И тут в сознании Марьяны факты, как отдельные пазлы, стали складываться в единую картину. Их отношения с Иваном расстроились как раз после «Золотого сечения», чуть больше года назад. Тогда она и познакомилась с BegleЦом на обновленном сайте. Он рассказывал о том, как теряет любовь, как любимая девушка удаляется от него... Он говорил о ней — о Марьяне! А она увидела в нем родную душу, захотела быть его Солнцем, его SolnЦем. Она влюбилась в него, находящегося по ту сторону Интернет-сети... в Ивана, с которым у нее все рушилось в реальной жизни. Они оба бежали в виртуальный мир друг от друга и нашли там...

Марьяна сделала несколько шагов назад, в сторону Ивана, и вошла в круг желтого света.

— Не может быть... — прошептал Иван. — Ты?

— Я... — одними губами ответила Марьяна.

И в эту секунду ветер необыкновенной силы, взявшись словно бы ниоткуда, из пустоты, ворвался между ними, ударив Ивана и Марьяну по лицам мерзлыми крупинками льда. Оба зажмурились, закрыли лица руками. Было такое ощущение, что еще мгновение — и этот ледяной наждак оставит их лица без кожи.

Но тут же ветер сник... Они отняли руки...

— Запомни, Федор, что было сказано, — говорил старый седой человек в белых одеждах. — Ищи Свет, но не призывай Его в свою жизнь. А если призовешь, молись, чтобы Он не отозвался. Ибо, если Он ответит, Он выжжет тебе глаза. Как бы тебе ни было трудно, никогда не призывай...

Вокруг говорящего виднелось слабое, слегка мерцающее сияние.

— Вот двое, — продолжал незнакомец, слегка раскинув руки и показывая Федору на Ивана и Марьяну. — Им казалось, что они любят друг друга. Они верили в Свет.

Повисла пауза. Старик смотрел на Федора и грустно улыбался.

— Но любовь — это служение, запомни это, — сказал он. — А Свет — это то, что ты делаешь. Наслаждаться своим чувством и верить в Свет — этого недостаточно.

Лицо старика стало строгим, и он продолжил:

— Им даже даны были Заветы Света. Прими и не говори, что не знал. Но они лишь игрались с ними как дети... Когда же им открылись грехи их, они и вовсе закрыли глаза. «Пусть за нас решит чудо, — сказали они. — Все в руках Господа, пусть Он и решает». И Бог пришел к ним. Он пришел, как они и просили. И нарушился естественный ход вещей...

И вдруг в мерцающем образе старика Марьяна отчетливо увидела проступающие черты Ангела — того самого, с которым она встречала рассвет. А Иван... Иван увидел ту девушку, ту самую — с именем Ангел.

— Бог пришел сделать то, о чем они просят. Они хотели чуда... — Ангел посмотрел сначала в сторону оцепеневшего Ивана, потом в сторону Марьяны и снова обратился к мальчику, пожав плечами: — И увидели свои сердца. Я был здесь, чтобы они смотрелись в себя.

С этими словами Ангел поднес руку к груди, как-то странно повернул ее, едва заметным движением дернул и... и вынул, словно из-за пазухи, свое сердце. Бордово-черное сердце. Вынул, как жабу, глядя на него с печальной обреченностью. Разломил на две половины, и черные клубы, словно какая-то копоть, вырвались из этого сердца наружу.

— Эгоизм, зависть, слабость, борьба за отсутствующую власть и стремление к несуществующим целям... — шептал Ангел, глядя на то, как черные клубы поднимаются вверх. — Они хотели чуда? Они его получили.

Ангел развел руки и, не глядя на Ивана и Марьяну, вложил им в ладони по половинке своего словно обожженного сердца.

— Им казалось, что они выясняют отношения друг с другом, а на самом деле они просто смотрелись в собственные сердца. В них пустота и мрак... в их сердцах. Ибо нет в сердце Света, запомни это, мальчик. Пока не положишь туда Его сам, Его там не будет. Половинки сердца в руках Ивана и Марьяны превратились в текучую смоляную жижу...

— Но им казалось, что это лишнее... — пожал плечами Ангел. — Что все будет дано само... Они хотели чуда, они хотели увидеть Бога, они хотели узреть его Лик... Ну что ж, теперь они смотрят. Потому что Лик Божий — это твое собственное сердце, ибо Бог — только зеркало. Не добрый и не злой. Он — такой, как ты.

С каждым словом голос Ангела становился все слабее и слабее, словно бы у него и впрямь отняли сердце. Сказав же последнее слово, он улыбнулся Федору уголками губ и осыпался наземь ледяной крошкой.

— «И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе как бы на полчаса, — прошептал Федор. — И я видел семь Ангелов, которые стояли перед Богом; и дано было им семь труб. И пришел иной Ангел и стал пред жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом. И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Богом. И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясение. И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить...»

## Эпилог

Андрей любит мысленные эксперименты.

«Вот представьте, — говорит он обычно, — обстоятельства таковы, происходит то-то и то-то. Какие могут быть объяснения этого?»

Данила, правда, обычно возражает:

«То мыслительные эксперименты, а это — жизнь, она сложнее».

Андрей смеется в ответ:

«Данила, если бы не эти мыслительные эксперименты, то мы бы не имели ни открытий Коперника с Ньютоном, ни теории относительности Эйнштейна!

Глазу кажется, что Солнце крутится вокруг Земли, и чтобы понять, что это не так, Копернику недостаточно было просто рассчитать траектории движения других планет Солнечной системы. Он должен был мысленно представить себе, что на самом деле происходит на небе. И когда он создал гелиоцентрическую модель Вселенной в своей голове, все данные встали на свои места.

И с Ньютоном — все ровно так же! Тысячелетиями люди думали, что предметы падают на землю просто потому, что они тяжелые. А Ньютон задумался и поставил мыслительный эксперимент. Предмет приходит в движение, только если на него действует какая-то сила, — рассудил Ньютон. Какая сила действует на предметы, которые падают на землю? Сила тяжести, сила гравитации — понял он.

А Эйнштейн? Он и физиком-то стал только потому, что в детстве ему не давала покоя задачка — как будет падать предмет в свободно падающем лифте? Так он пришел к рассуждениям о скорости света и спрашивал у научной общественности, прищуриив хитрый глаз: "С какой скоростью, господа, вы думаете, будет распространяться свет от фар поезда, несущегося со скоростью света?" Теория относительности...»

И Андрей прав. Прав, ведь именно потому, что «жизнь сложнее» — чем нам кажется, чем нам представляется, чем мы видим, — нам и нужны мыслительные эксперименты. Они помогают отличить главное от второстепенного, увидеть суть. В этом их роль, их задача.

Когда же мы говорим о сфере духа, где все кажущееся, предошущаемое, зыбкое, без мыслительных экспериментов и вовсе не обойтись.

Андрей собрал нас именно для того, чтобы рассказать об одном мысленном эксперименте. И пока он рассказывал, у меня сама собой сложилась книга — «Сердце Ангела». Вот этот мыслительный эксперимент.

— Представьте, — сказал Андрей, — мы имеем некое течение событий. Например, есть два человека. Они сначала каким-то случайным образом встретились, «нашли друг друга». Затем — пригляделись и влюбились. Чувство заставило их сблизиться. Но чувство — это просто сложная эмоция. Отношения, построенные на влюбленности, или перерастают во что-то большее — серьезное, настоящее, или прогорают, как бумага в камине с сырыми поленьями. Огонь был, тепла не дождалось, да и резервы внутренние, эти «поленья», не растрочены.

Но контролирует ли человек свои чувства? Может, конечно, если постарается. Но только не их появление, это, как мы знаем, — Андрей внимательно посмотрел на Данилу, — процесс спонтанный. Мы не можем по команде влюбиться, что-то должно в мозгу для этого щелкнуть, и от нас это не зависит. А если чувства возникли не по команде, то, разумеется, человек считает, что это на него с Неба сошло, волшебным образом. Чудо, в общем. Но, как мы уже сказали, чувства погорели-погорели — да все вышли. И что наши герои делают дальше?

— Расстраиваются, — отшутился Данила.

— А если поподробнее? — улыбнулся Андрей.

— Поподробнее? — сказал Гаптен. — Они будут искать помощь там, откуда, как им казалось, пришло изначальное счастье.

— Абсолютно верно! — подхватил Андрей. — Любовь с Неба пришла, должна оттуда и бригада сервис-службы выехать. Поэтому и уповают...

— Логично, — согласился Данила и добавил: — И дурость, разумеется.

— Само собой! — кивнул головой Андрей. — Страсть глаза человеку застилает. Кажется, что держишь уже на ладонях любимую душу, а она — глядь — миражом оказывается. Потому что то были только эмоции, только чувства, а глубины понимания не было. Любящим еще только предстоит увидеть друг в друге друг друга. Еще только предстоит! Но для этого труд нужен, усердие. Самое настоящее! А они по привычке ждут помощи с Неба, ждут чуда. И вместо того чтобы идти навстречу друг другу, расходятся по углам.

Задумавшись над словами Андрея, я сам не заметил, как перебил его:

— Это ведь как важно... — понял я. — Первоначальное чувство, страсть — она нужна людям, чтобы они сблизилась. Бог как бы сводит людей. Мол, вот вы пара. А дальше — дальше

все уже от самого человека зависит, точнее, от них двоих. Смогут ли они претерпеть это внутреннее преобразование ради друг друга, откроются ли они друг другу, будут ли счастливы по-настоящему или нет? Все от них зависит.

— Да, — подхватил Андрей. — И для этого труд нужен. И об этом-то Скрижали нам и рассказывали, об этом преобразении. Дана, так сказать, вся рецептура!

— Только вот толку от нее... — Данила печально мотнул головой.

Андрей посмотрел на него с искренним сочувствием. Действительно, из нас всех Данила переживает эту слепоту людей тяжелее всего.

— Но я возвращаюсь к нашему мыслительному эксперименту, — продолжил Андрей, желая слегка сменить тему. — Итак, у нас есть некое естественное течение событий жизни. Все логично — одно цепляется за другое, где-то крепится намертво, где-то, наоборот, разрушается. Одно, другое, третье... В общем — жизнь. Двое встретились, полюбили. У них все могло получиться, если бы они действительно хотели этого — разглядели друг друга, поняли бы, стали дорожить отношениями и тем, что эти отношения дают им обоим. Они могли поступить так. Они могли поступить иначе. Это их свободный выбор, нечто — что выше обстоятельств, та самая великая свобода воли, которая дает человеку возможность и право влиять на естественное течение жизни.

Но вот два наших героя, не понимая, не отдавая себе отчета в том, что есть человек, что он обладает свободой воли и что его жизнь потому в его собственных руках, начинают искать чудо. Вместо того чтобы пойти навстречу друг другу, они решают отдалиться, надеясь, что некое «чудо» все в их жизни поправит. Они не поняли, что Бог свое истинное чудо уже явил: Он свел их вместе и дал им возможность счастья. Но Бог дает только возможность, Он ни к чему нас не принуждает — ни к счастью, ни к несчастью. Какой будет его жизнь человека, решает только он сам. Бог не нанимался к нам на работу, это мы работаем на Бога, воплощая в жизнь те возможности, которые Он создает.

— Бог не нанимался к нам на работу, это мы работаем на Бога, воплощая в жизнь те возможности, которые Он создает, — словно эхо повторил Гаптен.

— Но что такое чудо, если не дополнительный, не вытекающий из внутренней логики системы фактор, некое искусственное дополнение? Есть естественное течение процессов — одно из другого, и вдруг нечто вклинивается извне и неизбежно нарушает естественную логику событий. По сути чудо лишает человека свободы выбора. Ведь если раньше человек мог делать свою жизнь сам, то теперь естественное течение процессов нарушено, и то, что он заслужил, то, что он для себя сделал, то, что он себе заработал, летит в тартарары. Праведник приговаривается к вечным мукам, грешник отправляется на Небеса — вот что такое «эффект чуда».

— Да-а-а... — протянул Данила. — Правильно ты говоришь, Андрей, мы должны менять мотив. Потому что если Скрижали — это действительно явленные чудеса, как мы раньше думали, то лучше уж без Скрижалей как-нибудь, но со свободой выбора...

— Я был уверен, что ты меня поддержишь, — улыбнулся Андрей. — Но я продолжаю. Итак, наши два товарища самоустранились от собственного счастья. Выданные им Скрижали, если им повезло с ними познакомиться, побросали, поскольку чудеса из них — никакие, не для того задумывались... И что же? Бог делает исключение!

Я даже вздрогнул:

— В смысле?..

— Это наш мыслительный эксперимент, — пояснил Андрей. — Представьте, является этим двум Ангел. Самый настоящий. Посланец Божий. Люди звали. Господь устал слушать эти крики и вопли и направил Своего инспектора по месту вызова... А что такое — Ангел? У него ни плоти, ни крови, у него даже лица нет. Он идеальная форма — лишь отражает то, с чем сталкивается. Он такой, каким его хотят видеть, он такой, каким воображают то лучшее, что могут вообразить. Мужчина видит в нем красоту и понимание. Женщина — красоту и силу. Разумеется, девушка влюбится в Ангела. И юноша в него влюбится. Потому что этот Ангел — это их проекции. Все счастливы.

— Представляю, что этот инспектор напишет в Небесную канцелярию... — печально пошутил Данила.

— Да даже и представлять не нужно, — поддержал его Андрей. — Отчетец будет тот еще... «Человек ничего не хочет делать: волю Божию не выполняет, данные ему возможности не реализует, а вместо этого надеется, что Бог будет у него на посылках».

— Да за такое и сжечь могут... — прошептал Гаптен.

— Да и сожгут, — спокойно сказал Андрей. — Так в Апокалипсисе и говорится. В седьмой Печати — «...и пришел иной Ангел». Я с этого-то и начал думать. Скрижали — это не чудесная скатерть самобранка, не волшебная палочка. Скрижали — это законы жизни. Это те принципы, которые позволяют нашей свободной воле реализовывать себя так, как это нужно Провидению, Вселенной, Господу Богу или Источнику Света — не важно, как называть. Они вычищают нас, как Геракл авгиевы конюшни. Если освободиться от всей шелухи, всего того наносного, что есть в нас, мы становимся идеальным инструментом Света. Мы начинаем преобразовывать Тьму. Об этом же говорил Источник Света — да, Данила?

— Об этом, — подтвердил тот. — Частицы Света согласно Замыслу преобразуют Тьму. Но они испугались своей гибели, смерти, и Тьма стала набирать силу.

— Ну, в этом ведь и вся истина... — пробормотал я. — Человек или выполняет то, что дает ему жизнь, понимая, что всякая возможность — это не возможность даже, а задание; или не выполняет и ждет, что сделают за него. И тогда...

— И тогда Тьма, — закончил мою мысль Гаптен.

— Или не Тьма, — поправил его Андрей.

— Нет? — не понял я.

— Нет, — улыбнулся Андрей. — Человеку дано знание, свобода воли у него есть. И если он сам собственноручно откажется от чуда, то он его сделает, это чудо. Только настоящее. Победит Тьму и со всем справится. Надо просто отказаться... Отказаться. И когда вы откажетесь от меня, я приду к вам. Но если зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода. Бог приходит в эту жизнь через нас. Какими мы будем, такой и сделается наша жизнь. Вся. Для всех. Вот вам и последняя Печать — искушение Чудом.

\* \* \*

У меня состоялся разговор с Андреем. Недавно...

— Ты взвалил на себя тяжелую ношу, — сказал Андрей. — Возможно, сам того не понимал, не подозревал, но взял и выполнил. Ты был инструментом в огромных руках, которые даже не в силах себе представить. Вселенная, сама Жизнь сделали это через тебя. Она сказала тебе: «Есть возможность!» А ты взялся и выполнил. Большой подвиг маленького человека.

Ты возродил дремлющую в людях веру в чудо, веру, которая мешает им жить по-настоящему, веру, которая тормозит их внутри, в движениях души. Возродил, чтобы низвергнуть, чтобы освободить тех, кто готов и хочет. Твои читатели поверили в Скрижали, а потом поняли, что чуда не существует, а если бы и существовало, то было бы наказанием, а не благом.

Скрижали — никакое не волшебное заклинание. Они — просто истины, и не более того. Истины, которые должны стать частью жизни. И они становятся ею через боль, через трудности, через страдание. Но они становятся твоими и изменяют тебя. Они делают тебя красивым и сильным. Точнее, даже не так — ты становишься красивым и сильным, если используешь эту возможность.

Непростая миссия — раскрыть страшную тайну о том, что Деда Мороза не существует. Ты разочаровал их — своих читателей. Но одни разочаровались и ушли, а другие сделали усилие и остались. И те, кто остались, узнали, что и без Деда Мороза есть праздник; есть Новый год, есть подарки. Все это есть и без Деда Мороза. И без него даже лучше, чем с ним.

Потому что, пока есть нелепая вера в чудо, пока есть этот Дед Мороз, человек слаб и уязвим. Ведь он живет в иллюзорном мире: его глаза закрыты, а в ушах — большие беруши. Он щепка, которую несет горная река. Он — никто. Все зависит от выдуманного им Деда Мороза, вся его жизнь перепоручена Пустоте. Когда же человек понимает, что Дед Мороз — это блеф и неправда, что его нет, он узнает, что все на самом деле зависит от него самого — от самого человека.

---

И твои читатели поняли это. Ты дал им шанс на новую жизнь, жизнь в правде. У кого-то хватит на это сил, и этот кто-то — герой, и перед ним свобода, свобода истинная и великая — его награда. А у кого-то нет ни силы, ни мужества, и он снова нырнет в иллюзию. Но ты сделал все, что ты мог. В этом была твоя миссия, твоя сила и твой подвиг. И я горжусь тобой.

Ты развенчал иллюзию, веру людей в спасительность Истины и величие Чуда. Ты рассказал им о тех знаниях, которые помогут им обрести подлинное счастье, ты дал им шанс на настоящую жизнь. Ты дал им возможность быть собой — в самом глубоком, самом истинном понимании этого слова. Да, я считаю, что это подвиг. Но теперь, раз ты сделал это, ты должен идти дальше.

— Дальше?

— Да.

— Но что значит дальше?

— Расскажи им, как это — быть собой?

— Но я не знаю...

Андрей только улыбнулся и пожал плечами.

Библиотека сайта «Путь к разуму и Силе»

<http://esotericpl.narod.ru/elbibl.htm>